

ЗАМѢТКИ ВЕТЕРАНА 1812 ГОДА.

Писано въ 1876 году.

Въ одно изъ своихъ пребываній въ Москвѣ, Александръ Николаевичъ изволилъ остановиться въ Нескучномъ дворцѣ. Однажды, ѣдучи оттуда въ Кремль и проѣзжая мимо Городской Больницы, онъ сказалъ сидѣвшему съ нимъ рядомъ въ коляскѣ дежурному флигель-адъютанту своему Григорію Александровичу Милорадовичу: „Вотъ сюда привезли нашего Абрама Сергѣевича послѣ Бородинской битвы съ оторванною ногою. А вѣдь Толстой много напуталъ о двѣнадцатомъ годѣ.“ Это передалъ мнѣ Г. А. Милорадовичъ, въ тотъ же день навѣстившій меня. А. С. Норовъ, можетъ быть по указанію Государя, написалъ опроверженіе свое „Войны и Мира“, напечатанное въ „Русскомъ Архивѣ“.

У насъ же появились замѣтки другого участника Бородинской битвы князи П. А. Вяземскаго, который между прочимъ указалъ, что по разсказу графа Л. Н. Толстаго, Императоръ Александръ Павловичъ съ балкона Кремлевскаго дворца кидалъ въ народъ конфетами и апельсинами. Дѣло въ томъ, что графъ Толстой вовсе не изучалъ исторію великой эпохи; какъ и вообще онъ не давалъ себѣ труда усидчивой, постоянной работы: можно сказать, что онъ постоянно захлебывался воображеніемъ. Но въ тоже время ему захотѣлось извести до пошлости личные подвиги тогдашнихъ дѣятелей: графъ Растопчинъ выведенъ какимъ-то шуткомъ, и однако дарованіе Толстаго было такъ сильно, что большинство читающаго люда ему повѣрило, и онъ возымѣлъ вліяніе даже надъ людьми учеными, какъ напр. надъ А. Н. Поповымъ, который въ прекрасныхъ статьяхъ своихъ о 1812 годѣ невѣрно изобразилъ безпримѣрную, по ея значенію, дѣятельность тогдашняго Московскаго главнокомандующаго, заботѣ котораго мы обязаны сохраненіемъ Московскихъ святынь и драгоценныхъ памятниковъ нашей исторіи. Понятно оскорбленіе, нанесенное „Войною и Миромъ“ уцѣлѣвшимъ дѣятелямъ великихъ событій. Къ числу ихъ принадлежалъ и Нарменъ Семеновичъ Деменковъ, нижеслѣдующія замѣтки котораго переданы въ „Р. Архивъ“ М. С. Боборыкинымъ. П. Б.

Въ будущемъ 1877 году Россія готовится праздновать столѣтній юбилей рожденія императора Александра I-го. При этомъ нельзя не

припомнить о славномъ 1812-мъ годѣ. Столь чрезвычайныя эпохи не легко изглаживаются изъ памяти народовъ, а безпристрастная исторія должна признать въ событіяхъ того времени безпримѣрное самопожертвованіе Русскаго народа и геройское мужество войскъ при оборонѣ дорогого отечества. Намъ же, въ очень маломъ уже числѣ оставшимся въ живыхъ, ветеранамъ послѣдней Шведской 1808 года и Отечественной 1812, нельзя не припомнить съ нѣкоторымъ затаеннымъ чувствомъ гордости, что и мы принимали участіе въ этой славной для Россіи эпохѣ (хотя въ числѣ очень мелкихъ единицъ), что и мы имѣли счастье служить отечеству своими посильными трудами въ славное царствованіе Благословеннаго.

Тогда Россіи угрожала немалая опасность быть побѣжденною сильнымъ врагомъ, вторгнувшимся въ ея предѣлы, но Русскіе люди того времени, проникнутые самымъ горячимъ патріотизмомъ и одушевленные обожаемымъ Монархомъ, не допустили одолѣть себя въ той кроваво-гигантской борьбѣ; а напротивъ, успѣли не только отразить, но даже небывалымъ погромомъ рѣшительно уничтожить полумиллионное войско врага.

Воспоминаніе дѣйствительно дорогія для принимавшихъ участіе въ той славной войнѣ! Но какъ не сжиматься болѣзненно сердцу мучительною скорбью, видя, что уже не придается у насъ прежнее высокое значеніе эпохѣ столь приснопамятной для Россіи, и что нѣкоторые къ несчастію, даже изъ самихъ Русскихъ, начали отзываться о ней съ полнымъ скептицизмомъ. А лѣтъ нѣсколько тому назадъ, издано многотомное сочиненіе, въ которомъ авторъ, въ формѣ новаго рода изложенія историческихъ событій, набрасывая на нихъ очень темную тѣнь, старается унижить блистательное для своего отечества время, уронить драгоценное наслѣдіе, оставленное имъ потомству и помрачить ту славу Русской земли, которая была ею куплена столь дорогою цѣною.

Для убѣжденія въ этой горькой истинѣ, стоитъ только въ сочиненіи „Война и Миръ“ прочесть нѣсколько страницъ, въ которыхъ авторъ касается историческихъ событій того времени и которыя онъ придумалъ втиснуть въ свой романъ, вѣроятно на томъ основаніи, что пришивка историческаго, хотя и извращеннаго, разсказа къ какой нибудь вымышленной повѣсти всегда служила лучшимъ способомъ къ насильственному привлеченію вниманія читателей. По выходѣ въ свѣтъ, сочиненіе это, подверглось, какъ и должно было ожидать, разнороднымъ обсужденіямъ. Одни, усматривая въ немъ новаго рода направленіе, отозвались о немъ не совѣмъ лестно; другіе, сочувствуя явно враждебному взгляду автора на эпоху, восхищались искусно написаннымъ романомъ.

Повѣствованію этому, о времени войнъ Императора Александра I-го съ Наполеономъ I-мъ, придана какая-то историческая достовѣрность,

такъ что нѣкоторые изъ читателей, мало знакомые съ исторіей Отечественной войны, очень легко могли поддаться всему тому, что имъ внушалось новымъ сочиненіемъ, получая вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно превратное понятіе объ эпохѣ. Немало было споровъ у такихъ читателей съ другими, успѣвшими прежде почерпнуть свои свѣдѣнія о томъ времени изъ источниковъ дѣйствительно достовѣрныхъ; что же касается до нашей братіи ветерановъ, то намъ какъ-то дико казалось слышать сужденія въ родѣ тѣхъ, что будто-бы война 1812-го года велась Русскими дурно, что войско было слабо духомъ, вожди его бездарны и что никакихъ распоряженій и приготовленій на случай войны, да и вообще никакого порядка у насъ не было; тогда какъ Французское войско выставлялось въ превосходномъ видѣ; словомъ, что кампанія Отечественной войны была далеко не такъ блистательна и славна для Россіи, какъ пишутъ Русскіе военные историки, а потому-де и не заслуживаетъ она будто бы того громкаго значенія, какое придаютъ ей люди прежняго времени. И вотъ такого рода сужденія о мнимо безпристрастномъ сказаніи автора, которому пришла для чего-то охота переиначить историческіе факты того времени на свой ладъ, повторились довѣрчивыми читателями новой книги. А потому и очень горько видѣть, что такое искаженіе событій принималось многими за истину.

Разнородныя рецензіи въ нѣкоторыхъ журналахъ по поводу этого сочиненія возродили во мнѣ желаніе познакомиться ближе съ этимъ новымъ методомъ изложенія великихъ историческихъ событій. Мнѣ хотѣлось удостовѣриться, дѣйствительно-ли, какъ казалось изъ рѣчей уже прочитавшихъ сочиненіе, оно написано въ томъ враждебномъ къ Россіи взглядѣ и съ тѣмъ направленіемъ, какія трудно было предположить въ Русскомъ писателѣ, давно уже пріобрѣтшемъ себѣ извѣстность своими прежними сочиненіями, или, думалъ я, не сами-ли читатели, не понявъ направленія автора, извращали ими прочитанное.

Съ перваго уже тома видно было, что сочиненіе это распадается на два главные отдѣла: одинъ состоитъ изъ романа, въ которомъ въ очень темныхъ краскахъ обрисовываются Петербургское и Московское общества въ началѣ столѣтія, а другой, въ перемежку съ первымъ, заключаетъ въ себѣ искаженное повѣствованіе объ Отечественной войнѣ при чемъ высказался возмутительный образецъ отрицанія.

Разумѣется, все вниманіе мое преимущественно сосредоточивалось на этихъ послѣднихъ страницахъ сочиненія, по той понятной причинѣ, что самъ, лично принималъ участіе въ той войнѣ, а въ 1813 году получилъ и очень тяжелую рану. Встрѣчая непрерывные оскорбительные отзывы о тогдашнемъ войскѣ и вообще о Русскомъ національномъ чувствѣ, не возможно было читать ихъ безъ сильнаго душевнаго

возмущенія. Тутъ очень ясно видѣлось прямое стремленіе низвести славную для Россіи эпоху на степень басни или сказки; а посредствомъ какого-то страннаго сплетенія именъ историческихъ съ именами вымышленными или искаженными черезъ перестановку буквъ поколебать у читателей вѣру въ достовѣрность хода и исхода этого мірового событія.

Покуда примѣшивались къ роману первые войны Императора Александра I-го противъ Наполеона, авторъ нѣсколько еще сдержанно писалъ на счетъ Русскихъ, о самомъ Государѣ отзывался съ должнымъ уваженіемъ, отчасти и о Кутузовѣ; но и тутъ нельзя было не подмѣтить влеченія къ предвзятой цѣли выставлять все въ ложномъ свѣтѣ. Когда же сказаніе автора дошло до 1812-го года, то онъ, какъ видно, давъ уже полную свободу своимъ игривымъ фантазіямъ, сталъ сыпать на своихъ соотечественниковъ какъ градомъ самыми ѣдкими сарказмами. Тутъ онъ явилъ уже себя самымъ яркимъ порицателемъ всего, что только касалось тогдашней Россіи и, высокоумно рѣшая, что все тогда творилось очень дурно, усиливается великую для своего отечества эпоху выказать въ самомъ дурномъ свѣтѣ. Иронически ее искажая, онъ прямо, можно сказать, составилъ на нее злую пародію. А при напущенномъ на читателей туманѣ, имъ трудно отличать истину отъ измышленийъ, въ особенности когда въ основу повѣствованія вносятся не только игра воображенія, но и ловко направляемая агитація по извѣстной Французской поговоркѣ: „*Calomniez, calomniez; il en restera toujours quelque chose*“. Не только неопытные юноши, но и нѣкоторые люди солидныхъ лѣтъ, не имѣвшіе прежде желанія или случая ближе познакомиться съ исторіею эпохи, прочитавъ романъ съ заманчивымъ оглавленіемъ „Война и Миръ“, прониклись взглядомъ и направленіемъ автора, причемъ приходится вполне убѣдиться въ той печальной истинѣ, что всякое съ агитаціонною цѣлью словоизверженіе во вредъ своему отечеству у насъ очень легко прирождается людямъ равнодушнымъ къ его доброй славі.

Но намъ ветеранамъ, привыкшимъ къ тому, что послѣ 1812-го, 13 и 14 годовъ свѣтъ смотрѣлъ на Россію какъ на страну, совершившую неимоვნно-гигантскій подвигъ, намъ, знавшимъ прежде о безсильной злобѣ противъ Россіи лишь у недобросовѣстныхъ писателей иноземныхъ, да у своихъ абсентеистовъ, нельзя было не удивляться намѣренію автора опозлать то, чѣмъ Россія по всей справедливости должна гордиться.

Трудно съ надломленными силами браться за восстановленіе ловко и искусно искаженной правды; но трудно и молчать, не присоединивъ своего хотя нѣсколько запоздалаго голоса къ другимъ, уже прежде

высказавшимъ свое полное негодованіе противъ глубокаго оскорбленія, нанесеннаго чувству національной гордости. Не осудить же намъ себя на пассивное молчаніе лишь потому, что изложеніе нашихъ опроверженій будетъ слабѣе художественной искусственности и умѣнья извращать, или потому что возраженія наши навлекутъ на насъ гнѣвъ сторонниковъ направленія автора, по мнѣнію которыхъ сочиненіе это написано не только увлекательно, но даже правдиво и нравственно? Не благодарить же намъ въ самомъ дѣлѣ автора за милые его отзывы о Русскихъ 1812-го года, исполнявшихъ тогда съ особеннымъ усердіемъ свой священный долгъ—тотъ долгъ, который всегда проявляется у Русскихъ людей съ необычайною силою, когда въ жестокихъ битвахъ и въ виду ежеминутной смерти требуется отстаивать дорогую родину отъ злобныхъ ея враговъ?

Какъ же въ память нашихъ собратій и товарищей, павшихъ тогда многими тысячами на родныхъ поляхъ чести, не сказать нѣсколько словъ въ отвѣтъ строгому судѣ и завязтому порицателю, ищущему обвинять ихъ чуть не въ преступленія. Если авторъ, заручившись литературною своею извѣстностью, вклеивъ теперь въ свое сочиненіе невозлюбленное имъ по чему-то славное для Россіи историческое событіе, думаетъ имѣть полное право порицать его и забрасывать грязью, тогда какъ оно такъ дорого отечеству: то почему же кому либо изъ насъ, бывшихъ тружениковъ того столь тяжкаго времени, принимающему близко къ сердцу это кровавое, можно сказать, оскорбленіе всей нашей тогда ратной семьи, не имѣть теперь тоже и своего права, отбросивъ въ сторону утонченную вѣжливость, выразиться съ равною автору безцеремонностью, что злобно-сатирическое сказаніе его о нашемъ 1812 годѣ, втиснутое въ сочиненіе „Война и Миръ“, есть просто какая-то хаотическая и антипатріотическая сказка, хотя очень искусно составленная?

Въ доказательство неголословности, а справедливости сказаннаго мною выше, приведу нѣсколько дословныхъ выписокъ изъ тѣхъ страницъ послѣднихъ трехъ томовъ романа, въ которыя вплетаются историческія событія, при весьма ничтожной долѣ правды.

На первой страницѣ четвертаго тома читатель знакомится съ хроникою 1812-го года слѣдующимъ вступленіемъ. Съ конца 1811 года началось усиленное вооруженіе и сосредоточеніе силъ Западной Европы, и въ 1812 году силы эти—милліоны людей (считая тѣхъ, которые перевозили и кормили армію), двинулись съ Запада на Востокъ, къ границамъ Россіи, къ которымъ точно также съ 1811 года стягивались силы Россіи. Двѣнадцатаго Іюня силы

Западной Европы перешли границы Россіи, и началась война, т. е. совершилось противное человѣческому разуму и всей человѣческой природѣ событіе. Милліоны людей совершали другъ противъ друга такое безчисленное количество злодѣяній, обмановъ, измѣнъ, воровства, поддѣлокъ и выпуска фальшивыхъ ассигнацій, грабежей, поджоговъ и убійствъ, котораго въ цѣлые вѣка не собереть лѣтопись всѣхъ судовъ міра, и на которые, въ этотъ періодъ времени, люди совершавшіе ихъ не смотрѣли, какъ на преступленіе.

Французы, при вторженіи въ Россію, съ ихъ невольными союзниками дѣйствительно совершали безчисленное множество грабежей, поджоговъ, убійствъ, поддѣлокъ, выпусковъ фальшивыхъ ассигнацій и тому подобное; но авторъ, говоря, что всѣ эти злодѣянія совершались милліонами людей другъ противъ друга ищетъ, какъ видно, привлечь къ тому же обвиненію и Русскихъ, тогда какъ не слѣдовало-бы казаться упускать изъ виду, что если при отступленіи въ глубь страны, Русскимъ тоже приходилось самимъ сожигать свои города и сѣла, уничтожать жатвы на своихъ поляхъ и заготовленные запасы, то они къ такимъ жертвамъ вынуждались силою обстоятельствъ, въ видахъ наиболѣе успѣшной обороны и нанесенія наибольшаго вреда врагу; а потому всѣ такого рода дѣйствія Русскихъ должно было бы отнести скорѣе къ ихъ доблестямъ чѣмъ къ преступленіямъ на равнѣ съ дѣйствіями Французовъ.

Вслѣдъ за напыщеннымъ разказомъ, заимствованнымъ изъ Французскихъ хвастливыхъ описаній, о прибытіи Наполеона къ своей арміи, собравшейся у границъ Россіи, авторъ совершенно въ другомъ тонѣ продолжаетъ.

Стр. 12. Русскій императоръ между тѣмъ болѣе мѣсяца уже жилъ въ Вильнѣ, дѣлая смотры и маневры. Ничто не было готово для войны, которой всѣ ожидали и для приготовленія къ которой императоръ пріѣхалъ изъ Петербурга. Общаго плана дѣйствій не было.

Полно такъ ли? Не слишкомъ ли самонадѣянно, съ самаго начала пришивки Отечественннй войны къ роману, авторъ спѣшитъ выражать свое неодобрительное мнѣніе о такомъ важномъ по тогдашнимъ обстоятельствамъ предметѣ? Возможно ли, чтобы Государь и генералы Русскихъ войскъ, расположенныхъ вдоль границъ, зная о средоточеніи войскъ Французскаго императора, ничего не предпринимали и не готовили на случай близкаго съ нимъ столкновенія? Если такъ, то для чего же и пріѣзжать было тогда нашему Государю въ Вильну? Не самъ

ли авторъ, на первой страницѣ этого тома, говорить, что къ границамъ Россіи еще съ 1811 года стягивались силы наши, а на стр. 12 что „Императоръ жилъ въ Вильнѣ, дѣлая смотры и маневры“. Возможно ли относиться такъ превратно къ усиленнымъ, напротивъ, тогда мѣрамъ, предпринимавшимся при столь тревожномъ положеніи, въ какомъ находилось государство?! И за чѣмъ, набрасывать темную тѣнь на самаго императора Александра, тогда какъ онъ былъ въ то время лицомъ, на которое не только Россіи, но и вся Европа смотрѣла какъ на единственную надежду для спасенія своего, въ чемъ впоследствии онъ и оправдалъ себя передъ всѣмъ міромъ.

Авторъ могъ сказать, что не все еще было готово для начала войны, это дѣло другое; но говорить „ничего не было готово“ странно, даже смѣшно. Что же касается до общаго плана дѣйствій, то, вопреки показанію автора, можно утвердительно сказать, что планъ этотъ былъ составленъ и обдуманъ со всѣхъ сторонъ еще прежде вторженія непріятеля въ наши предѣлы. Однимъ изъ болѣе вѣскихъ доказательствъ тому можетъ служить укрѣпленный лагерь у Дриссы, которымъ по обстоятельствамъ и по стратегическимъ соображеніямъ, хотя и нельзя было воспользоваться при отступленіи нашихъ войскъ къ Смоленску, но все же онъ былъ устроенъ за 350 верстъ отъ границы внутри Имперіи, вѣроятно съ цѣлью точнаго выполненія еще прежде задуманнаго отступленія.

Такой маневръ съ нашей стороны предполагался въ видахъ завлеченія самонадѣяннаго непріятеля и съ намѣреніемъ поставить его въ безвыходное положеніе, какому почти всегда подвергается войско, когда вслѣдствіе излишняго удаленія отъ резервовъ и запасовъ разнаго рода, въ немъ неминуемо должна произойти громадная убыль въ людяхъ, лошадяхъ и недостатокъ продовольствія. Планъ такого отступленія подтверждается еще и тѣми заготовленіями продовольствія для войскъ, какія повелѣно было дѣлать не только въ Тульской, но даже въ Казанской губерніи, какъ самъ авторъ сочиненія упоминаетъ о томъ въ 5 томѣ, на стр. 256. Понятно, что если бы не было плана дѣйствій и видовъ на отступленіе въ глубь страны, то для чего было бы предпринимать продовольственные заготовленія для войскъ въ столь отдаленныхъ отъ границъ мѣстностей? Кажется, ясно.

Несомнѣнно существованіе такого плана отступленія подтверждается однимъ изъ дружескихъ писемъ императора Александра Павловича къ князю Чарторыжскому, о которомъ нѣсколько словъ скажется ниже. Сверхъ того, много другихъ правительственныхъ распоряженій, о которыхъ авторъ намѣренно умалчиваетъ, можетъ служить явнымъ опроверженіемъ его показаній; а что все почти, по возможности было

готово и все заранѣе обдуманно, доказывается еще тѣмъ, что, по полученіи извѣстія о переходѣ непріателемъ рѣки Нѣманъ, немедленно приказано было первой и второй арміямъ начать отступленіе, а третьей стянуть свои силы у юго-западной границы.

А какъ внушительно поучаетъ авторъ смотрѣть на геройское самоотверженіе Русскихъ при патріотическихъ ихъ подвигахъ! Стр. 70. Офицеръ съ двойными усами, Здржинскій, рассказывалъ напыщенно о томъ, какъ Салтановская плотина была Ѳермопилами Русскихъ, какъ на этой плотинѣ былъ совершенъ генераломъ Раевскимъ поступокъ, достойный древности. Здржинскій рассказывалъ поступокъ Раевского, который вывелъ на плотину своихъ двухъ сыновей подъ страшный огонь и съ ними рядомъ пошелъ въ атаку. Ростовъ слушалъ рассказъ и не только ничего не говорилъ въ подтверженіе восторга Здржинскаго, но напротивъ имѣлъ видъ человѣка, который стыдится того, что ему рассказываютъ, хотя и не намѣренъ возражать. Ростовъ, послѣ Аустерлицкой и 1807 года кампаніи зналъ по своему собственному опыту, что, рассказывая военныя происшествія, всегда врутъ, какъ и онъ самъ вралъ рассказывая.

Значитъ: каждому Русскому, слушая рассказы о военныхъ подвигахъ соотечественниковъ, нужно стыдиться и краснѣть; да и вѣрнѣе то рассказамъ Русскихъ военныхъ не слѣдуетъ потому, что все они врутъ. Выводъ такой морали ясенъ, то есть, все о чемъ до сего было писано и рассказывалось относительно славныхъ дѣлъ Русскихъ въ 1812 году—сущій вздоръ. А вотъ что въ романѣ „Война и Миръ“ повѣствуется о томъ времени, на то читатели обязаны смотрѣть какъ на непреложную истину.

За день до пріѣзда Государя изъ арміи въ Москву, пришло воззваніе къ Россіи. Пьеръ, лице романа вымышленное, но по волѣ автора хорошо знакомое съ историческимъ лицомъ графа Раstopчина, досталъ отъ него это воззваніе, которое и привезъ къ Ростову, и вотъ какъ авторъ разсудилъ познакомить своихъ читателей съ этимъ важнымъ документомъ.

Стр. 105. Послѣ обѣда графъ усѣлся покойно въ кресло и съ серьезнымъ лицомъ попросилъ Соню читать.

Для большаго же внушенія того, что при чтеніи этого воззванія, должно скорѣе смѣяться, чѣмъ слушать съ серьезнымъ лицомъ, авторъ продолжаетъ.

Стр. 106. Шеншинъ, сложивъ ротъ въ насмѣшливую улыбку, очевидно приготовился насмѣхаться надъ тѣмъ, что первое представится для насмѣшки: надъ чтеніемъ Сони, надъ тѣмъ что скажетъ графъ, даже надъ самымъ воззваніемъ, ежели не представится лучшаго предлога. Уже по одной этой выпискѣ, нельзя не видѣть, въ какомъ тонѣ и съ какими приѣмами поведется далѣе разсказъ о 1812 годѣ, то есть искаженное приплетеніе къ роману нашей великой эпохи.

Воззваніе заканчивается слѣдующими словами:

„Да обратится погибель, въ которую онъ (непріятель) мнитъ низвергнуть насъ, на главу его, и освобожденная отъ рабства Европа да возвеличитъ имя Россіи“.

Казалось бы, что ни содержаніе воззванія, ни столь знаменательныя и пророческія изрѣченія не должны были давать повода къ какимъ либо шуткамъ или насмѣшкамъ; однако авторъ, указавъ самодовольно на насмѣшливую улыбку Шеншина, который готовился насмѣхаться надъ всѣмъ, даже надъ воззваніемъ, постарался подготовить читателей къ своему собственному воззрѣнію на такой важный по времени документъ и, труня надъ патриотизмомъ старика Ростова, нарисовалъ слѣдующую картину.

Стр. 106. Вотъ это такъ! Вскрикнулъ графъ, открывая мокрыя глаза и, нѣсколько разъ прерываясь отъ сопѣнія, какъ будто къ носу ему подносили стклянку съ крѣпкой уксуемой солью.

До какой степени изящна такая выходка, предоставляю судить другимъ; но все же нельзя, кажется, не признать, что, касаясь столь чрезвычайнаго и тревожнаго періода въ жизни своего отечества, подобное буфонство рѣшительно неумѣстно.

Изображеніе съѣзда дворянъ въ Слободской дворецъ для обсужденія и для принятія неотложныхъ мѣръ къ спасенію отечества не менѣе курьезно. Вотъ что читается между прочимъ.

Стр. 115. Особенно поразительны были старики, подслѣповатые, беззубые, плѣшивые, оплывшіе желтымъ жиромъ или сморщенные, худые. Они большей частью сидѣли на мѣстахъ и молчали.

Большаго числа насмѣшливыхъ обозваній авторъ, какъ видно, не могъ уже придумать почтеннымъ старцамъ, созваннымъ на важный совѣтъ для обороны отечества, за то, что были тогда очень стары; но многіе изъ нихъ вѣроятно могли состарѣться преждевременно вслѣдствіе полученныхъ ими ранъ въ славныхъ битвахъ царствованія Екатерины Великой, изнутивъ себя усердною и честною службою отечеству. Не

смотря на то, автору показалось недостаточно такого глумленія, и вотъ что читается далѣе.

Стр. 121. Толпа подошла къ большому столу, у котораго въ мундирахъ, въ лентахъ, сѣдые, плѣшивые, сидѣли 70-ти лѣтніе вельможи-старики, которыхъ всѣхъ почти, по домамъ съ шутами или въ клубахъ за бостономъ, видалъ Пьеръ.

И такъ далѣе все въ томъ же насмѣшливомъ и недостойномъ тонѣ описываются тѣ тревожные дни, въ которые, какъ это было на самомъ дѣлѣ, Москвѣ и всей Россіи угрожала страшная опасность; всѣ были взволнованы, и самъ Государь не могъ удерживать слезъ. Словомъ тѣ дни, когда въ Москвѣ обсуждался потрясавшій всѣхъ вопросъ: быть или не быть великому государству именуемому Россіею. И какъ достало у автора рѣшимости исказить подобными пошлостями значеніе тѣхъ великихъ, историческихъ и грустно-памятныхъ для Россіи дней, въ одинъ изъ которыхъ, какъ самъ авторъ упоминаетъ, Государь дрогнувшимъ голосомъ произнесъ: „Никогда я не сомнѣвался въ усердіи Русскаго дворянства, но въ этотъ день оно превзошло мои ожиданія. Благодарю васъ отъ лица Отечества. Господа, будемъ дѣйствовать. Время всего дороже“.

Однѣ эти слова даютъ уже очень ясное понятіе о томъ времени, которое было для Россіи далеко не такого свойства, чтобы при карикатурномъ сказаніи о немъ можно было рѣшиться и дозволить себѣ примѣшивать шутки и насмѣшки. Эти слова Государя Императора служатъ явнымъ опроверженіемъ—усиліямъ автора опозлить то время и доказательствомъ тому, что беззубые, плѣшивые и многими другими нелестными обозваніями надѣленные старики въ сущности не были такъ ничтожны и смѣшны, какъ онъ старается ихъ выказать съ какимъ-то дѣйствительно-смѣшнымъ скалозубствомъ.

Стоитъ только, оставя на время въ сторонѣ этотъ пасквиль, обратиться для провѣрки или для сравненія къ серьезнымъ и безпристрастнымъ, даже иноземнымъ, писателямъ и прочесть хотя одинъ манифестъ отъ 6-го Іюля, или нѣсколько страницъ о тогдашнемъ пребываніи Государя въ Москвѣ, чтобы уродливое описаніе того же эпизода (Отечественной войны не показалось пошлымъ до изумленія всякому дорожащему правдою и историческою истиною.

Стр. 126. Теперь намъ ясно, что было въ 1812 году причиной гибели Французской арміи. Никто не станетъ спорить, что причиной гибели Французскихъ войскъ Наполеона было съ одной стороны вступленіе ихъ въ позднее время безъ приготовленія къ зимнему

походу въ глубь Россіи, а съ другой стороны характеръ, который приняла война отъ сожженія Русскихъ городовъ и возбужденія ненависти къ врагу въ Русскомъ народѣ.

Вступленіе Французовъ въ предѣлы Россіи 12 Іюня нельзя назвать очень позднимъ временемъ вслѣдствіе чего это и не могло быть одною изъ двухъ только причинъ гибели Французской арміи, какъ желаетъ увѣрить авторъ къ уменьшенію славы Русскихъ войскъ и ихъ вождей, съумѣвшихъ завлечь непріятеля въ глубь страны и успѣвшихъ продержатъ его въ ней до поздней осени, въ искусствѣ которыхъ, однако, авторъ никакъ не хочетъ признать тоже одну изъ причинъ гибели Французскихъ войскъ, почему и продолжаетъ на заданную себѣ ту же тему.

Стр. 126. Но тогда не только никто не предвидѣлъ того (что теперь кажется очевиднымъ), что только этимъ путемъ могла погибнуть 800 тысячная, лучшая въ мірѣ и предводимая лучшимъ полководцемъ, армія въ столкновеніи съ вдвое слабѣйшей, неопытной и предводимой неопытными полководцами Русской арміей.

Таковыми отзывами прямо затрогивается честь Русскихъ войскъ и ихъ полководцевъ. Но откуда такая смѣлая, самонадѣянная, хотя и весьма несправедливая, разиѣнка двухъ сражавшихся тогда армій? Авторъ, стремясь выставить въ столь неблаговидномъ свѣтѣ Русскихъ полководцевъ, напротивъ самъ возвышаетъ этимъ ихъ славу; потому что, не взирая на малочисленность Русскихъ войскъ въ сравненіи съ непріятельскими, на мнимую, по показанію автора, неопытность Русскихъ полководцевъ, они однако успѣли уничтожить громадную армію первую въ мірѣ, численность которой доводится не извѣстно для чего до 800 т. вмѣсто 600 т. Вслѣдствіе же чрезвычайныхъ и небывалыхъ въ военной исторіи результатовъ этой войны, полководцы ея заслужили честь и славу именоваться спасителями отечества, и нагляднымъ тому доказательствомъ можетъ служить то, что портреты ихъ удостоились быть помѣщенными въ устроенной Военной Галлерей зимняго дворца рядомъ съ портретомъ августѣйшаго ихъ вождя Императора Александра 1-го.

Стр. 126. Не только никто не предвидѣлъ этого, но всѣ усилія со стороны Русскихъ были постоянно устремляемы на то, чтобы помѣшать тому, что одно могло спасти Россію.

Стр. 126. Въ историческихъ сочиненіяхъ о 1812-мъ годѣ авторы-Французы очень любятъ говорить о томъ,

какъ Наполеонъ чувствовалъ опасность растяженія своей линіи, какъ онъ искалъ сраженія, какъ маршалы его совѣтовали ему остановиться въ Смоленскѣ, и тому подобныя доводы, доказывающіе, что тогда уже будто понята была опасность кампаніи; а авторы—Русскіе еще болѣе любятъ говорить о томъ, какъ съ начала кампаніи существовалъ планъ Скиеской войны заманиванья Наполеона въ глубь Россіи, и приписываютъ этотъ планъ кто Пфулю, кто какому-то Французу, кто Толю, кто самому Императору Александру, указывая на записки, на проекты и письма, въ которыхъ дѣйствительно находятся намеки на этотъ образъ дѣйствій. Но всѣ эти намеки на предвидѣніе того, что случилось, какъ со стороны Французовъ, такъ и со стороны Русскихъ, выставляются теперь только по тому, что событіе оправдало ихъ.

Стр. 127. Всѣ факты совершенно противорѣчатъ такимъ предположеніямъ. Не только во все время войны со стороны Русскихъ не было желанія заманить Французовъ въ глубь Россіи, но все было дѣлаемо для того, чтобы остановить ихъ съ перваго вступленія ихъ въ Россію.

Такое усиліе убѣдить вновь въ томъ, будто-бы со стороны Русскихъ не было намѣренія заманить Французовъ въ глубь Россіи и что, напротивъ, Русскими дѣлаемо было все, чтобы остановить ихъ при вступленіи въ Россію, рѣшительно опровергается уже самими фактами и дѣйствіями Русскихъ; потому что въ самый тотъ день, какъ получено было извѣстіе о переходѣ Французовъ черезъ Нѣманъ, безъ малѣйшаго сопротивленія тому со стороны нашихъ передовыхъ войскъ, приказано было имъ, а также и главнымъ силамъ, немедленно отступать. Вслѣдствіе чего войско наше и продолжало это до самаго соединенія двухъ армій у Смоленска, съ незначительными лишь сраженіями, только для удержанія напора Французовъ. Ежели же авторъ, какъ видно, настойчиво не желаетъ довѣрять запискамъ и проектамъ, въ которыхъ находятся намеки на этотъ образъ дѣйствія Русскихъ, „то, кромѣ многихъ другихъ доводовъ, собственноручное дружеское и откровенное письмо императора Александра Павловича къ князю Чарторыжскому отъ 1-го Апрѣля 1812 г., (то есть за два съ половиною мѣсяца до вторженія Французскихъ войскъ) должно служить несомнѣннымъ подтверженіемъ тому, что планъ такого рода существовалъ. Государь Императоръ въ этомъ письмѣ (Русскій Архивъ за 1871 годъ № 4

стр. 826) излагаетъ свои предположенія по этому предмету слѣдующими строками: „Не стану болѣе вступать здѣсь въ разсужденіе о двухъ вѣроятностяхъ, представляющихся для Россіи въ этой борьбѣ. Миѣ кажется, что я уже истощилъ этотъ предметъ въ предъидущихъ моихъ письмахъ; удовольствуюсь напоминаніемъ о громадномъ протяженіи земли, которое имѣютъ за собою Русскія войска для того, чтобы отступить, не давая себя разстроить, и о возрастающихъ трудностяхъ, которымъ будутъ подвергаться Наполеонъ и его войско, по мѣрѣ удаленія отъ источника своихъ силъ. Если только война начнется, здѣсь рѣшились не складывать оружія“.

Да и кто изъ насъ самихъ, тогдашнихъ труженниковъ, не помнитъ, что при разговорахъ и толкахъ между офицерами о совершаемомъ походѣ убѣжденіе въ существованіи плана отступления было общее за исключеніемъ очень малаго числа, которое въ этомъ движеніи войскъ подозрѣвало какую-то измѣну.

Стр. 129. Багратіонъ, командуя 2-й арміей, старается какъ можно долѣе не присоединяться къ Барклаю, чтобы не стать подъ его команду.

Кто изъ имѣющихъ даже самое поверхностное понятіе о движеніи Русскихъ войскъ въ 1812-мъ году не знаетъ, въ какомъ затруднительномъ и опасномъ положеніи находился тогда князь Багратіонъ и какія неимовѣрныя препятствія онъ долженъ былъ преодолевать для соединенія съ первою арміею. Онъ въ теченіе 29 дней отражалъ двѣ Французскія арміи, изъ коихъ одна непрерывно преграждала ему путь на протяженіи 650 верстъ.

И что же? На столь знаменательный въ военныхъ лѣтописяхъ подвигъ авторъ романа рѣшается указывать какъ на неблагонамѣренное со стороны князя Багратіона замедленіе къ соединенію двухъ армій, столь тогда необходимому. Возможно-ли доходить до такого искаженія фактовъ, относя столь неправдоподобное и злобное намѣреніе къ одному изъ главныхъ и доблестныхъ вождей Русскихъ войскъ, который, какъ истый, непоколебимой храбрости воинъ, при строгомъ выполненіи обязанностей къ отечеству, принесъ въ жертву и самую жизнь, будучи смертельно раненъ на поляхъ Бородинскихъ. Нельзя при этомъ не пожалѣть о равнодушіи иныхъ Русскихъ къ чести и славѣ отечества. Мы дѣтямъ своимъ при изученіи ими исторіи стараемся внушать самое высокое мнѣніе о геройствѣ и доблестяхъ древнихъ Грековъ, указываемъ между прочимъ на знаменитое отступление Десяти Тысячъ, а на отступление болѣе достойное удивленія отечественныхъ войскъ въ 1812 г., должны смотрѣть по волѣ автора какъ на дѣло постыдное для главнаго руководителя его. Стр. 163. Все кака-то манія

фрондировать, продолжалъ онъ (князь Василій), и передъ кѣмъ? И все отъ того, что мы хотимъ обезьянничать глупымъ Московскимъ восторгамъ, сказалъ князь Василій, спутавшись на минуту и забывъ то, что у Элень надо было подсмѣиваться надъ Московскими восторгами, а у Анны Павловны восхищаться ими. Но онъ тотчасъ же поправился.—Ну прилично-ли графу Кутузову, самому старому генералу въ Россіи, засѣдать въ Палатѣ, съ *il en restera pour sa reine!* Развѣ возможно назначить главнокомандующимъ человѣка, который не можетъ верхомъ сѣсть, засыпаетъ на совѣтѣ, человѣка самыхъ дурныхъ нравовъ! Хорошо онъ себя рекомендовалъ въ Бухарештѣ! Я уже не говорю о его качествахъ какъ генерала, но развѣ можно въ такую минуту назначать человѣка дряхлаго и слѣпаго, просто слѣпаго? Хорошо будетъ генераль слѣпой! Онъ ничего не видитъ. Въ жмурки играть.... ровно ничего не видитъ! Никто не возражалъ на это.

Хотя столь нелестное сужденіе о Кутузовѣ авторъ заставилъ выразить своего князя Василя, котораго онъ обрисовалъ человѣкомъ мѣняющимъ свои мнѣнія смотря по обстоятельствамъ, но все же нельзя не видѣть, что такое сужденіе приведено въ романѣ съ прямою цѣлью умалить достоинства Кутузова. И авторъ тѣмъ съ большею самоувѣренностью могъ рѣшиться на такой характеристическій очеркъ нашей знаменитости, что почти также выразился о Кутузовѣ и Тьеръ въ своей исторіи „*Consulat et l'Empire*“. Приписанное же далѣе тому же князю Василю иное сужденіе о Кутузовѣ, противорѣчащее высказанному выше, едва ли поможетъ читателямъ отрѣшиться отъ впечатлѣнія, какое должно было у нихъ врѣзаться отъ только что сдѣланной выписки, на смыслъ которой, какъ прибавляетъ авторъ, никто не возражалъ.

Стр. 209. Если-бы намъ только приходилось воевать съ мужиками, мы бы не допустили такъ далеко непріятеля, говорилъ онъ (Ростовъ княжѣ Маріи), стыдась чего-то и стараясь переимѣнить разговоръ.

Кто не подмѣтитъ здѣсь недостойнаго, ядовитаго намека на сомнительное мужество нашихъ войскъ? Въ отсутствіи этого мужества будто бы сознается и стыдится самъ Ростовъ.

Стр. 219. Кутузовъ лежалъ на креслѣ въ томъ же растегнутомъ сюртукѣ. Онъ держалъ въ рукѣ Французскую книгу и, при входѣ князя Андрея, заложивъ ее

ножемъ, свернулъ. Это были *Les chevaliers du Cygne*, сочиненіе *Madame de Senlis*, какъ увидалъ князь Андрей по оберткѣ.

Стр. 221. И еще князь Андрей не успѣлъ выдти въ дверь, какъ Кутузовъ успокоительно вздохнулъ и взялся опять за неоконченный романъ *Мадамъ Жанлисъ Les chevaliers du Cygne*.

Иной читатель пожалуй и усвоить себѣ убѣжденіе, что вновь назначенному главнокомандующему въ день его прибытія къ арміямъ ввѣренныхъ ему, и уже два мѣсяца отступавшимъ въ виду сильнаго непріятеля, будто бы не нашлось ничѣмъ другимъ заниматься какъ чтеніемъ Французскихъ романовъ; и что слѣдовательно тѣ дни, въ которыя готовилась развязка столь кровавой драмы, не были днями тревоги ни для Россіи, ни для того, кому ввѣрилось рѣшеніе ея судьбы. Но здравый разумъ отказывается вѣрить подобнымъ вымысламъ. пригоднымъ лишь для романовъ съ посягательствомъ на ущербъ исторической правды, въ особенности относительно столь важнаго момента войны 12-го года.

Стр. 223. Давно такъ не веселились въ Москвѣ какъ въ этотъ годъ.

Въ Январѣ и Февралѣ, когда еще не предвидѣлось войны столь близкой, быть можетъ, въ Москвѣ по обыкновенію и веселились: но въ то время года, къ которому относится это заявленіе, чрезвычайныя веселости въ Москвѣ были невысказанными.

Стр. 229. Напротивъ, все кажется благополучно, *ma cousine*, сказала Пьеръ.—Да это благополучно... хорошо благополучіе! (отвѣчала княжна). Мнѣ нынче Варвара Ивановна поразказала, какъ войска наши отличаются. Ужъ точно можно чести приписать.

Опять злобное глумленіе! Да развѣ, въ самомъ дѣлѣ, войско наше бѣжало тогда? Развѣ оно не дралось ожесточенно, когда это было нужно? Вѣдь оно не сдавалось даже самыми малыми отрядами! Если-же отступало такъ далеко, то это дѣлалось по приказу въ тѣхъ соображеніяхъ и видахъ, о которыхъ упоминалось выше. А по всему этому хорошо-ли, честно-ли клеветать столь нагло на тогдашнихъ тружениковъ?

Стр. 235. До Бородинскаго сраженія наши силы приблизительно относились къ Французскимъ какъ пять къ шести, а послѣ сраженія какъ одинъ къ двумъ, то есть до сраженія 100 тысячъ къ 120, а послѣ сраженія 50 къ 100.

Касаясь столь громкаго и громаднаго историческаго факта, какъ Бородинская битва, нельзя самопроизвольно играть цифрами, изъ

какого-то страннаго желанія внушить читателямъ, что Русскихъ въ этомъ адскомъ бою будто бы погибло болѣе Французовъ, то есть что Русскихъ вышло изъ строя половина, а Французовъ будто бы только одна четвертая часть. Такая подтасовка цифръ и натяжка ихъ въ пользу одной стороны съ невыгодою для другой, прямо обнаруживаетъ явную и неблагонамѣренную фальшь, которая однако опровергается слѣдующимъ: хотя многіе изъ писавшихъ о войнѣ 12-го года, какъ Русскихъ такъ и иностранныхъ, показываютъ численность войскъ обѣихъ сторонъ и ихъ потери въ Бородинскомъ сраженіи нѣсколько различно, но все же, сообразивъ и согласивъ всѣ наиболѣе безпристрастныя показанія, можно сдѣлать довольно вѣрный выводъ, изъ котораго выяснится, что Русскіе, хотя дѣйствительно лишились при этомъ половины своихъ войскъ, то есть около 60 т. но что и Французы потеряли не только не менѣе ихъ, но даже болѣе, вотъ по какому расчету.

У Французовъ до Бородинскаго сраженія было отъ 145 до 150 т. человекъ, а у Русскихъ отъ 115 до 120 т., полагая въ то число до 7000 ополченія. вмѣстѣ же взятыя, какъ Русскія такъ и Французскія войска на этомъ полѣ смерти составляли численность отъ 260,000 до 270,000 человекъ. При изгнаніи непріятеля въ Октябрѣ, земскою полиціею на Бородинскихъ поляхъ было сожжено однихъ человѣческихъ труповъ до 58,500 *). Если же къ этому числу сожженныхъ труповъ прибавить еще тѣхъ убитыхъ, которыхъ могли успѣть предать землѣ по окончаніи сраженія ночью, то общее число погибшихъ въ тотъ день, какъ Русскихъ такъ и Французовъ, вѣроятно превысило 60,000. Сверхъ того, если къ этому числу присоединимъ еще такое же число, если не болѣе, тѣхъ раненыхъ, которые могли оставить поле сраженія или успѣли быть вынесенными во время еще боя, то общій для обѣихъ сторонъ уронъ убитыми и ранеными долженъ былъ дойти до 120 и даже до 125,000. А какъ извѣстно по спискамъ, что у Русскихъ послѣ этого сраженія осталось на лицо отъ 59 до 60,000 человекъ и что по этому мы дѣйствительно потеряли убитыми и ранеными до 60 т., т. е. половину, то уронъ остальныхъ 60 или 65,000 изъ общаго для обѣихъ сторонъ урона, долженъ безспорно пасть на долю Французовъ. А такое число потери указываетъ не на четвертую часть 145 т. или 150 т. бывшаго у Французовъ до сраженія войска, какъ усиливается доказать авторъ, но напротивъ болѣе чѣмъ на третью часть, то есть на такую потерю, которая превышала даже нашу потерю.

*) Конскихъ же до 35,000.

Вслѣдствіе же такой дѣйствительной потери съ обѣихъ сторонъ и по тому же расчету, у Французовъ при концѣ сраженія не могло оставаться болѣе 90 или 95 т. Иначе, если бы они въ самомъ дѣлѣ потеряли въ тотъ день только одну четвертую часть, какъ авторъ ищетъ увѣрить въ томъ, то у нихъ послѣ сраженія должно бы было остаться на лицо отъ 110 до 120 т. человекъ. Но при столь громадномъ тогда превосходствѣ силъ надъ оставшими Русскими, неужели Наполеонъ не счумѣлъ бы имъ воспользоваться для того, чтобы окончательно подавить оставшую половину Русскихъ войскъ? Однакожь этого не было. Мы, какъ извѣстно, и какъ хорошо это помню, всю ночь послѣ сраженія пробыли на самомъ его полѣ и начали отступление только на разсвѣтѣ 27 Августа, а Наполеонъ, озадаченный страшнымъ тоже разстройствомъ и необычайною убылью своихъ войскъ, самъ уже помышлялъ объ отступленіи.

Наконецъ, если очень трудно изчислить болѣе или менѣе вѣрно потерю нижнихъ чиновъ въ какомъ либо сраженіи, то сравненіе числа убитыхъ и раненыхъ генераловъ двухъ сторонъ, имена которыхъ всегда извѣстны, можетъ служить лучшимъ и болѣе вѣрнымъ указателемъ на ббльшую или меньшую общую потерю каждой изъ сражавшихся сторонъ. А въ Бородинскомъ сраженіи у Французовъ убито генераловъ девять, у Русскихъ же только три. Раненыхъ генераловъ у Французовъ было 29, у Русскихъ только 14. Не служитъ ли и это убѣдительнымъ доказательствомъ, что въ сраженіи этомъ не Русскіе понесли уронъ болѣе Французовъ, а напротивъ сами Французы потеряли болѣе Русскихъ? Такъ изъ какихъ же цѣлей внушается въ романѣ столь усердно и настойчиво то, чего въ сущности не было?

Стр. 235. Давая и принимая Бородинское сраженіе, Кутузовъ и Наполеонъ поступили произвольно и безсмысленно.

При столь строгомъ обвиненіи Кутузова и Наполеона, авторъ выказываетъ себя не просто только художественнымъ повѣствователемъ, а глубокимъ критикомъ стратегическихъ и тактическихъ соображеній двухъ знаменитыхъ полководцевъ; и какъ истый знатокъ въ военномъ искусствѣ, онъ ведетъ очень серьезную рѣчь о военныхъ дѣлахъ того времени. Прежде всего, онъ обвиняетъ своихъ Русскихъ историковъ въ намѣренно лживыхъ описаніяхъ. Значить, одинъ онъ въ своемъ романѣ пишетъ правду: Потомъ, входитъ въ критическій обзоръ выбора позиціи и укрѣпленія ея, начертя даже планъ сраженія, и говоритъ:

Стр. 240. И такъ Бородинское сраженіе произошло совсѣмъ не такъ, какъ, стараясь скрыть ошибки на-

шихъ военно-начальниковъ и вслѣдствіе того умаляя славу Русскаго войска и народа, описываютъ его.

Но не самъ ли авторъ, какъ это доказывается приведенными здѣсь выписками изъ его сочиненія, усиливается не только умалить, но даже опозлить и вовсе разрушить эту славу Русскаго войска и народа, бросая въ нихъ всевозможною грязью?

Стр. 241. Бородинское сраженіе не произошло на избранной и укрѣпленной позиціи съ нѣскольکو только слабѣйшими со стороны Русскихъ силами, а Бородинское сраженіе, вслѣдствіе потери Швердинскаго редута, принято было Русскими на открытой, почти неукрѣпленной мѣстности вдвое съ слабѣйшими силами противъ Французовъ, т. е. въ такихъ условіяхъ, въ которыхъ не только немисливо было драться десять часовъ и сдѣлать сраженіе нерѣшительнымъ, но немисливо было удержать въ продолженіи трехъ часовъ армію отъ совершеннаго разгрома и бѣгства.

Однако Русская армія дралась въ этомъ сраженіи въ продолженіи не только трехъ часовъ, какъ предполагаетъ авторъ, но въ продолженіи четырнадцати часовъ; и она не была разгромлена и не бѣжала, а начала отступать въ совершенномъ порядкѣ, и то не прежде какъ на разсвѣтѣ другаго дня, т. е. 27-го Августа, чтѣ я могу утвердительно сказать, какъ участникъ боя. Но по смыслу и изложенію послѣднихъ двухъ строкъ выписки, иному, спѣшно-читающему романъ, можетъ легко представиться, что Русская армія въ Бородинѣ была въ самомъ дѣлѣ разгромлена и даже бѣжала; и такое убѣжденіе тѣмъ легче можетъ быть усвоено читателемъ, что на предъидущей страницѣ сочиненія между прочимъ сказано:

Первое и главное дѣйствіе Бородинскаго сраженія было проиграно еще 24 числа и очевидно вело къ проигрышу и того, которое было дано 26-го числа.

И такъ, на одной страницѣ читается, что Бородинское сраженіе „было проиграно Русскими“, а на другой, что оно сдѣлалось нерѣшительнымъ. Такое же противорѣчивое показаніе о Бородинской битвѣ встрѣчается и далѣе во многихъ мѣстахъ сочиненія, какъ это видно изъ слѣдующихъ выписокъ. Такъ на страницѣ 283-й этого же 4-го тома говорится, что Бородинское сраженіе было первое, которое не выигралъ Наполеонъ, а такъ же и на стр. 312 сказано: Онъ (Наполеонъ) зналъ, что это было проигранное сраженіе, и на стр. 261 пятаго тома о томъ же сраженіи говорится такъ: онъ одинъ (Кутузовъ) продолжалъ утверждать, что Боро-

динское сраженіе была побѣда, но въ противоположность тому на стр. 277-й того же тома указывается, что, Наполеонъ вступаетъ въ Москву послѣ блестящей побѣды de la Moscou, какъ Французы называютъ Бородинское сраженіе. А на стр. 64-й шестаго тома снова читается, что „Русское войско съ слабѣйшими силами одержало побѣду подъ Бородинымъ“. Какое же положительное понятіе о Бородинскомъ сраженіи можетъ получить читатель, когда въ одномъ мѣстѣ романа внушается, что сраженіе это было выиграно Русскими, и повторяется это нѣсколько разъ, а въ другомъ мѣстѣ сраженіе это называется блестящею побѣдою Французовъ.

Вслѣдъ за столь своеобразнымъ критическимъ обсужденіемъ такого крупнаго, историческаго событія какъ Бородинская битва, на той же страницѣ начинается вновь повѣствованіе о Пьерѣ, который по волѣ автора является для чего-то на Бородинское поле къ самому дню великой битвы, гдѣ онъ, при огромной фигурѣ своей въ зеленомъ фракѣ и съ бѣлою шляпою на головѣ, играетъ какую-то непонятную и смѣшную роль. Но автору вѣроятно показалось, что знаменательный день 26 Августа 1812 года безъ его Пьера не могъ быть описанъ съ большимъ художествомъ и съ бѣльшимъ подобающимъ предмету достоинствомъ. Вслѣдствіе чего онъ и заставляеть своего Пьера бродить по полю сраженія и соваться туда, гдѣ онъ не только не нуженъ и полезенъ, но напротивъ оказывался совершенно лишнимъ. Столь странное описаніе Бородинскаго сраженія въ романѣ или сочиненіи „Война и Миръ,“ быть можетъ инымъ читателямъ, не бывшимъ въ бояхъ, и придется по вкусу. Но тѣмъ, которымъ привелось участвовать въ этомъ сраженіи и видѣть собственными глазами, какое это было ужасное побоище, стоившее съ обѣихъ сторонъ до 60,000 человѣческихъ жизней въ одинъ день, и столько же если не болѣе разныхъ ранъ и увѣчій, въ числѣ которыхъ половина пострадала Русскихъ, тѣмъ какъ-то очень горько и грустно видѣть, что эту гигантскую битву Русскихъ автору понадобилось представить въ какомъ-то сказочномъ видѣ.

Стр. 250. Въ длинномъ сюртукѣ на огромномъ толщинной тѣлѣ, съ сутуловатой спиной, съ открытой бѣлой головой и съ вытекшимъ бѣлымъ глазомъ на оплывшемъ лицѣ, Кутузовъ вошелъ своей ныряющей, раскачивающейся походкою въ кругъ и остановился позади священника.

Кто въ этомъ очертаніи внѣшняго вида Кутузова не подмѣтитъ недостойной цѣли вызвать насмѣшливую улыбку у читателя на счетъ

главнокомандующаго Русскими арміями, прибывшаго къ нимъ съ великою цѣлью спасти отечество.

Стр. 264. Успѣхъ никогда не зависитъ и не будетъ зависѣть ни отъ позиціи, ни отъ вооруженія, ни даже отъ числа; а ужъ меньше всего отъ позиціи.

Значить: военноподначальникамъ, въ виду непріятеля, не слѣдуетъ напрасно озабочивать себя столь не стоящими вниманія обстоятельствомъ, какъ выборъ позиціи, вооруженіе и свѣдѣнія о числѣ непріятеля. Хорошо наставленіе военнымъ.

Стр. 265. Сраженіе выигрываетъ тотъ, кто твердо рѣшилъ его выиграть.

Какой же полководецъ, давая или принимая сраженіе, не рѣшается или не желаетъ его выиграть? И Кутузову, и Наполеону желалось выиграть Бородинское, однакожъ самъ авторъ романа не рѣшается сказать, за кѣмъ изъ нихъ признать побѣду. Въ сущности же побоище это было лишь громадною убылью силъ для обѣихъ сторонъ, послужившею для Французовъ началомъ разстройства и гибели, а для Русскихъ началомъ славнаго исхода войны. Ибо Французамъ не отъ куда было ожидать пополненія своей убыли, а Русскіе скоро могли ее пополнить подошедшими подкрѣпленіями.

Стр. 267. Все что онъ (Пьеръ) видѣлъ въ этотъ день, всѣ значительныя, строгія выраженія лицъ, которыя онъ мелькомъ видѣлъ, освѣтились для него новымъ свѣтомъ. Онъ понялъ ту скрытую (*latente*), какъ говорится въ физикѣ, теплоту патріотизма, которая была во всѣхъ людяхъ, которыхъ онъ видѣлъ и которая объяснила ему то, зачѣмъ всѣ эти люди спокойно и какъ будто легкомысленно готовились къ смерти.

Если здѣсь признается существовавшая тогда теплота патріотизма въ этихъ Русскихъ людяхъ, готовившихся къ смерти, то для чего же въ другихъ мѣстахъ романа утверждается, „что ни самопожертвованія, ни любви къ отечеству, ни геройства у Русскихъ того времени будто бы вовсе не было, какъ это читаемъ на стр. 188, тома 5-го.

Продолжая описывать ходъ Бородинскаго сраженія по придуманной манерѣ, авторъ, кольнувъ мимоходомъ (стр. 303) Ермолова и сдѣлавъ замѣчаніе (стр. 304) „что главное дѣйствіе сраженія произошло самымъ простымъ безхитростнымъ образомъ“, вынужденъ былъ, однако, сказать:

Стр. 311. „Всѣ тѣ прежніе приемы (со стороны Наполеона), бывало неизмѣнно увѣнчиваемые успѣхомъ: и сосредоточеніе батарей на одинъ пунктъ, и атака резервовъ для прорванія линіи, и атака кавалеріи *des hommes de*

фец, всѣ эти приемы уже были употреблены, и не только не было побѣды, но со всѣхъ сторонъ приходили одни и тѣже извѣстія о убитыхъ и раненыхъ генералахъ, о необходимости подкрѣпленія, о невозможности сбить Русскихъ и о разстройствѣ войскъ“.

Стр. 312. „Наполеонъ же послѣ своего долгаго опыта войны зналъ хорошо, что значило, впродолженіи 8 часовъ, послѣ всѣхъ употребленныхъ усилій, невыигранное атакующимъ сраженіе. Онъ зналъ, что это было проигранное сраженіе и что малѣйшая случайность могла теперь на той натянутой точкѣ колебанія, на которой стояло сраженіе—погубить его и его войска“.

Во всемъ здѣсь высказанномъ видна, хотя и косвенная, дань мужеству и стойкости Русскихъ войскъ, которыя успѣли на Бородинскихъ поляхъ, при гораздо меньшей численности противъ непріятеля, довести его до того, что онъ сраженіе это долженъ былъ считать проиграннымъ, вслѣдствіе потерь, какихъ у него не бывало ни въ одномъ изъ прежнихъ сраженій.

Изъ какихъ же видовъ прежде авторъ усиливался доказывать, что Русскіе потеряли въ этомъ дѣлѣ вдвое болѣе Французовъ? Да и теперь, обратясь къ Русской сторонѣ сраженія, онъ пишетъ слѣдующую не очень лестную для Кутузова картину.

Стр. 314. Кутузовъ сидѣлъ, понутивъ сѣдую голову и опустившись тяжелымъ тѣломъ на покрытой ковромъ лавкѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ утромъ его видѣлъ Пьеръ. Онъ не дѣлалъ никакихъ распоряженій, а только соглашался или не соглашался на то, что предлагали ему.

Главнокомандующій Кутузовъ, въ моментъ самаго жаркаго пыла сраженія, представленъ въ этихъ строкахъ просто какимъ-то автоматомъ. Однако, не далѣе какъ черезъ четыре строки на тойже страницѣ, авторъ, противорѣча только что сказанному имъ, говоритъ:

„Онъ выслушивалъ привозимыя ему донесенія, отдавалъ приказанія, когда это требовалось подчиненными; но выслушивая донесенія, онъ, казалось, не интересовался смысломъ словъ того, что ему говорили, а что-то другое въ выраженіи лицъ, въ тонѣ рѣчи доносившихъ, интересовало его. Долголѣтнимъ военнымъ опытомъ онъ зналъ и старческимъ умомъ понималъ, что руководить сотнями тысячъ человѣкъ, борющихся со смертью, нельзя одному человѣку, и зналъ, что рѣшаютъ участь

сраженія не распоряженія главнокомандующаго, не мѣсто, на которомъ стоятъ войска, не количество убитыхъ людей, а та неуловимая сила, называемая духомъ войска, и онъ слѣдилъ за этой силою и руководилъ ею, на сколько это было въ его власти.

Никто не рѣшится опровергать, чтобы духъ войска въ сраженіяхъ не былъ одною изъ главныхъ силъ для одержанія побѣдъ; но всякій разумно прибавить: что одного этого духа, этой силы своего рода, не достаточно для отраженія или пораженія непріятеля, и что, вопреки ученію автора, для рѣшенія участи сраженія необходимо еще и искусство начальниковъ, которые, сверхъ того, могли бы пріобрѣсть себѣ неограниченное довѣріе подчиненныхъ, умѣли-бы двигать войска, выбирать мѣста или позиціи для сраженія и, согласуя свои силы съ силами непріятеля, дѣйствовали-бы рѣшительно. И много, очень много еще и другаго чего при этомъ нужно. Иначе одинъ духъ въ войскѣ, эта дѣйствительная сила, можетъ быть затрачена совершенно даромъ, съ напрасною потерей иногда десятка тысячъ жизней.

Руководить же духомъ войскъ въ самый моментъ ожесточенной битвы и схватокъ съ непріателемъ—главнокомандующему не время. У него и безъ того въ эти минуты много другаго дѣла. Даже низшіе начальники частей войскъ находящихся въ бою могутъ только поддерживать и возбуждать въ нихъ этотъ духъ собственными примѣрами мужества. А потому духъ этотъ необходимо готовить заранѣе во всѣхъ чинахъ войска, чрезъ внушеніе имъ вѣрности къ присягѣ и чувства любви къ отечеству, которое всѣ сыны его обязаны защищать и оборонять не щадя жизней. А какъ войско въ Россіи теперь набирается изъ общей массы народонаселенія всѣхъ сословій, преимущественно же изъ людей молодыхъ, то вѣроятно и обращено очень серьезное вниманіе на то, чтобы они были пропитаны этимъ духомъ заранѣе. Но сочиненія подобныя „Войнѣ и Миру“ не смотря на ихъ литературное достоинство, не могутъ быть пригодны къ тому, чтобы возбуждать въ молодомъ поколѣннн народную гордость и уваженіе къ исторіи собственнаго отечества. Безъ нихъ же, сила называемая духомъ, ни въ народѣ, ни въ войскѣ какой либо страны—немыслима.

Стр. 315. „Когда донесли Кутузову, что кн. Багратіонъ раненъ, то онъ обратился къ принцу Виртембергскому и сказалъ: „Не угодно ли будетъ вашему высочеству принять командованіе 1-ю арміею? Но князь Багратіонъ командовалъ не первою, а второю арміею.

Стр. 316. „Кутузовъ былъ доволенъ успѣхомъ дня, сверхъ ожиданія“. „Но физическія силы оставляли ста-

рика. Нѣсколько разъ голова его низко опускалась, какъ будто падая, и онъ задремывалъ“.

Кто изъ мала-мальски понимающихъ дѣло можетъ вторить столь неправдоподобному изображенію главнокомандующаго 120 т. арміею противъ 150 тысячной непріятельской, во время такого ужасающаго воображеніе боя, какой былъ тогда на Бородинскихъ поляхъ?

Стр. 336. Въ началѣ сраженія, они (Русскіе) только стояли по дорогѣ въ Москву, загорая живая ея, и точно такъ же они продолжали стоять при концѣ сраженія, какъ они стояли при началѣ его. Но ежели-бы даже цѣль Русскихъ состояла въ томъ, чтобы сбить Французовъ, они не могли сдѣлать это послѣднее усиліе, потому что всѣ войска Русскихъ были разбиты, не было ни одной части войска не пострадавшей въ сраженіи, и Русскіе, оставаясь на своихъ мѣстахъ, потеряли половину своего войска.

Съ какимъ постояннымъ напряженіемъ авторъ здѣсь вновь усиливается втолковать, что Русскіе потеряли въ этомъ сраженіи половину своего войска, какъ и прежде на то указывалъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ черезъ подтасовку цифръ старался убѣдить, что Французы потеряли въ тотъ день будто бы только одну четвертую часть своихъ войскъ. Для большей же видимости, вѣроятно изъ опасенія, чтобы читатели не просмотрѣли этого вновь повторяемаго имъ показанія, онъ слово: половину нашелъ почему-то нужнымъ напечатать вдвое крупнымъ шрифтомъ. Никто не станетъ опровергать, и я въ сдѣланномъ выше расчетѣ вывелъ, что мы дѣйствительно потеряли въ этомъ сраженіи половину или около того; но, говоря правду объ одной сторонѣ, справедливость требуетъ высказать ту же правду относительно и другой. Однако авторъ, изъ какихъ-то непонятныхъ соображеній, указывая на довольно вѣрную потерю Русскихъ, усиливается увѣрить въ далеко невѣрной цифрѣ потери Французовъ, съ видимымъ желаніемъ уменьшить эту потерю въ глазахъ своихъ читателей; тогда какъ въ сущности и, какъ это доказывается болѣе точными данными, Французы должны были потерять столько же, сколько и Русскіе, если еще не болѣе. И ежели по окончаніи сраженія у Французовъ осталось гораздо болѣе войска чѣмъ у насъ, то это произошло вслѣдствіе того, что и въ началѣ сраженія численность ихъ войскъ превышала численность нашихъ. Не менѣе того, самъ авторъ, не смотря на свое скептическое настроеніе, не могъ однако рѣшиться, хотя и косвенно, лишить Русскихъ надеждащей дани, говоря:

Стр. 337. Генералы и солдаты Французской арміи, послѣ всѣхъ опытовъ прежнихъ сраженій, испытывали одинаковое чувство ужаса передъ врагомъ, который, потерявъ половину войска, стоялъ такъ же грозно въ концѣ какъ и въ началѣ сраженія; нравственная сила Французской, атакующей арміи была истощена.

Четвертый томъ этого сочиненія заканчивается слѣдующими строками:

Прямымъ слѣдствіемъ Бородинскаго сраженія было безпричинное бѣгство Наполеона изъ Москвы, возвращеніе по старой Смоленской дорогѣ, погибель 500-тысячнаго нашествія и погибель Наполеоновской Франціи, на которую въ первый разъ подъ Бородинымъ была наложена рука сильнѣйшаго духомъ противника.

Если сознание высказанное въ этихъ строкахъ искренно, и авторъ дѣйствительно въ томъ убѣжденъ, то для чего же ему было прежде писать, что Кутузовъ, принимая Бородинское сраженіе, поступилъ бессмысленно, что Русскіе въ этомъ сраженіи потеряли людей вдвое болѣе Французовъ, что сраженіе это произошло будто-бы совсѣмъ не такъ какъ описываютъ его, а напротивъ очень безхитростно. Наконецъ, для чего казалось бы, нѣсколько разъ противорѣчить себѣ на счетъ того кто выигралъ, кто проигралъ это сраженіе; и дѣлать много другихъ хотя трудно уловимыхъ, но ясно просвѣчивающихся внушеній весьма нелестныхъ для Русскихъ 12-го года? Да, очень трудно понять, для какой цѣли нужно было автору, какъ истому скептику, писать пародію на славную для Россіи эпоху, тогда какъ онъ же самъ теперь вынужденъ сознать, что главное дѣйствіе вклееной имъ въ свой романъ исторической кровавой драмы, т. е. Бородинское сраженіе, и послужило первоначальною причиною для гибели 500 тысячнаго нашествія и самой Наполеоновской Франціи.

Тома 5-го стр. 6-я. „Русскіе отступаютъ за 120 верстъ за Москву“.

Откуда, изъ какихъ иностранныхъ сочиненій авторъ могъ почерпнуть это недѣльное свѣдѣніе? Такое показаніе положительно ложно; ибо Русская армія по оставленіи Москвы прошла не 120 верстъ, а только около 30 по Рязанской дорогѣ, гдѣ перейдя Москву рѣку у деревни Куликовой, 5-е Сентября, двинулась по правому берегу Пахры. Тутъ совершился тотъ знаменитый фланговый маршъ къ Калужской дорогѣ, который такъ озадачилъ Наполеона и его генераловъ. Движеніе къ Тарутину, мѣстности въ 70 верстахъ отъ Москвы, выбранной для отдыха Русской арміи и для пополненія ея свѣжими начавшими при-

бывать силами, нельзя назвать отступленіемъ, точно такъ-же какъ и движеніе къ Малоярославцу въ 114 верстахъ отъ Москвы. Русская армія лишь 11-е Октября двинулась къ этому городу, но не для отступления, а для того, чтобы преградить путь Французской арміи, стремившейся направить свое бѣгство черезъ наши полуденныя губерніи, чего однако ей не удалось исполнить вслѣдствіе кровопролитнаго и упорнаго отраженія въ Малоярославцѣ. Изъ всего этого кто не увидитъ очень ясно, что 120 верстнаго отступленія Русскихъ за Москву не было, вопреки ложнаго показанія автора, и что такое показаніе есть лишь плодъ неудержимаго желанія какъ можно болѣе извращать совершившіеся тогда факты.

„Въ продолженіи пяти недѣль послѣ этого, нѣтъ ни одного сраженія. Французы не двигаются. Подобно смертельно раненому звѣрю, который, истекая кровью, зализываетъ свои раны, они пять недѣль остаются въ Москвѣ, ничего не предпринимая, и вдругъ безъ всякой новой причины бѣгутъ назадъ“.

Повторяя здѣсь фразу „безъ всякой новой причины“, авторъ, какъ видно, желаетъ внушить какое-то обвиненіе въ мнимомъ тогда безпокойствіи Русскихъ. Но если Бородинская битва, уменьшивъ силы Французскихъ войскъ, дѣйствительно была первою причиною ихъ бѣгства, то нельзя не прибавить, что было много еще и другихъ очень важныхъ къ тому причинъ. Въ числѣ же ихъ были и слѣдующія: геройская рѣшимость Кутузова, принявшаго на себя страшную передъ Россіею отвѣтственность за уступку непріятелю Москвы безъ боя, въ видахъ сохраненія оставшихся у него войскъ послѣ Бородинскаго сраженія. 2-е. Опустошеніе столицы пожаромъ съ истребленіемъ продовольствія. 3-е. Фланговое движеніе нашей арміи въ тылъ Французской. 4-е. Партизаны и разные отряды, направленные въ разные стороны съ присоединявшимися къ нимъ крестьянами, не допускавшіе Французскихъ фуражировъ удаляться отъ главныхъ частей ихъ арміи, что и вынудило Французское войско питаться кониною и всевозможною падалюю, какъ это предсказывалъ Кутузовъ, уступая имъ Москву. 5-е. Непоколебимая рѣшимость Государя Александра Павловича не входить ни въ какія сношенія съ Наполеономъ, что поставило его въ совершенно отчаянное и безвыходное положеніе. 6-е. Позднее осеннее время, до котораго Кутузовъ сумѣлъ продержатъ Французовъ въ разоренной Москвѣ. 7-е. Пораженіе Мюрата 6-го Октября, при которомъ у него отбито было 38 орудій и пр. и пр. Нужели всѣ эти неопровержимые факты не были тоже въ числѣ причинъ, которые вынудили Французовъ оставить Москву?

А потому возможно-ли настаивать на томъ, что они „вдругъ безъ всякой новой причины бѣгутъ назадъ, „прибавляя:

Стр. 6. Бросаются на Калужскую дорогу, и послѣ побѣды подъ Малоярославцемъ, не вступая ни въ одно серьезное сраженіе, бѣгутъ еще быстрѣе назадъ въ Смоленскъ, за Смоленскъ, за Вильну, за Березину и далѣе.

Кровопролитное Малоярославское сраженіе, въ которомъ данъ былъ жестокой отпоръ отчаянному нападенію Французской арміи, стремившейся пробиться и проложить себѣ путь въ наши полуденныя губерніи, было тоже одною изъ главныхъ причинъ, которая вынудила Французовъ бѣжать по разоренной ими же Смоленской дорогѣ. Но автору угодно Малоярославецкій бой назвать побѣдою Французовъ, забывая, какъ видно, что послѣ побѣды побѣдители имѣютъ обыкновеніе преслѣдовать побѣжденнаго непріятеля, а не бѣгутъ отъ него назадъ очень быстро и сломя голову, какъ видно изъ показанія самаго автора даже за Вильну и далѣе, но, какъ извѣстно, уже въ весьма и весьма ничтожномъ остаткѣ. Бѣгутъ же Французы такъ стремительно, потому что ихъ гонять Русскіе, и гонять они, продолжая бить, такъ неустанно, какъ только могли дозволить имъ и наступившее позднее ненастное время года, и дурное состояніе дорогъ, въ Ноябрь, и затрудненіе въ продовольствіи значительной числомъ арміи, при возможномъ однако сохраненіи силъ своихъ войскъ. А по всему этому, въ какое же еще новое серьезное сраженіе могли тогда вступить Французы съ Русскими, какъ предполагаетъ авторъ?

Стр. 99. „Ростопчинъ, пылкій сангвиническій чловѣкъ, всегда вращавшійся въ высшихъ кругахъ администраціи, хотя и съ патріотическимъ чувствомъ, не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о томъ народѣ, которымъ онъ думалъ управлять“.

И такъ далѣе все въ томъ же родѣ произносится оцѣнка этой исторической личности, и заканчивается слѣдующимъ:

Стр. 100. „Вся дѣятельность его была направлена только на то, чтобы возбудить въ жителяхъ то чувство, которое онъ самъ испытывалъ—патріотическую ненависть къ Французамъ и увѣренность въ себѣ“.

Бездѣлица! Неужели было бы болѣе достойнымъ дѣломъ графа Ростопчина возбуждать напротивъ сочувствіе къ Французамъ?

Передъ вступленіемъ непріятеля въ Москву, когда между прочими, пришелъ къ графу за приказаніемъ и надзиратель изъ сумашедшаго дома, то онъ будто сказалъ:

Стр. 102. „Какъ прикажу? Пускай ѣдутъ всеѣ, вотъ и все... А сумашедшихъ выпустить въ городъ. Когда у насъ сумашедшіе арміями командуютъ, такъ этимъ и Богъ велѣлъ“. Полно такъ ли? Но если графъ Растопчинъ, въ порывѣ очень горькой и естественной досады наканунѣ сдачи Москвы, и выразился, быть можетъ, такъ рѣзко на счетъ Русскихъ полководцевъ, то для чего повторять это? Но мнѣніе такое, какъ видно, раздѣляетъ и самъ авторъ, судя по слѣдующей выпискѣ, въ которой онъ заставляетъ князя Василя говорить о Кутузовѣ:

Стр. 182. „Что нельзя было ожидать ничего другаго отъ слѣпаго и развратнаго старика. Я удивляюсь только, какъ можно было поручить такому человѣку судьбу Россіи“.

Здѣсь повторяется вновь высказанное уже прежде мнѣніе кн. Василя, то есть мнѣніе самаго автора, относительно дурныхъ нравовъ Кутузова. Не повторить же этого при семъ видно показалось неудобнымъ Русскому автору столь правдиваго повѣствованія о событіяхъ 12-го года.

Стр. 188. „Разказы, описанія того времени всеѣ безъ исключенія говорятъ только о самопожертвованіи, любви къ отечеству, отчаяніи, горѣ и геройствѣ Русскихъ. Въ дѣйствительности же это такъ не было“.

Но если разказы и описанія того времени всеѣ безъ исключенія говорятъ только о самоотверженіи и пр., то на основаніи какихъ же другихъ данныхъ или иностранныхъ источниковъ авторъ однимъ своимъ лицомъ дозволяетъ себѣ опровергать все это голословно, говоря: что „въ дѣйствительности это такъ не было“... Не служить ли и это доказательствомъ тому, что авторъ всю систему своего сказанія объ эпохѣ постарался построить на усиленныхъ извращеніяхъ.

Стр. 188. „Большая часть людей того времени не обращали никакого вниманія на общій ходъ дѣлъ, а руководились только личными интересами настоящаго. И эти-то люди были самыми полезными дѣятелями того времени“.

Тѣ же, которые пытались понять общій ходъ дѣлъ и съ самопожертвованіемъ и геройствомъ хотѣли участвовать въ немъ, были самые бесполезные члены общества; они видѣли все на выворотъ, и все, чтò они дѣлали для пользы, оказывалось бесполезнымъ вздоромъ, какъ полки Пьера, Мамонова, грабившіе Русскія деревни, какъ корпія, щипанная барынями и никогда не дохо-

дившая до раненыхъ и т. п. Даже тѣ, которыя, любя помнничать и выразить свои чувства, толковали о настоящемъ положеніи Россіи, невольно носили въ рѣчахъ своихъ отпечатокъ, или притворства и лжи, или бесполезнаго осужденія излобы на людей, обвиняемыхъ за то, въ чемъ никто не могъ быть виноватъ.

Стр. 189. Но въ арміи, которая отступала за Москву, почти не говорили и не думали о Москвѣ, и глядя на ея пожарище, никто не клялся отмстить Французамъ, а думали о слѣдующей трети жалованья, о слѣдующей стоянкѣ, о Матрешкѣ-маркитанткѣ и тому подобное.

Вдавшись въ столь скептическія фантазіи, авторъ съ какимъ-то самодовольствомъ пишетъ все это съ такою невозмутимою увѣренностью, какъ будто онъ лично принималъ участіе въ той войнѣ и все видѣлъ собственными глазами. Мы же, дѣйствительные очевидцы и участники тогдашнихъ тревогъ, можемъ торжественно заявить, что все здѣсь высказанное авторомъ есть только плодъ искусственнаго измышленія съ прямою и видимою цѣлью наговорить какъ можно болѣе нелѣпаго о томъ времени, великое значеніе котораго не только для Россіи, но и для всей Европы онъ почему-то не хочетъ признать. Но вѣдь такой нахальный и бьющій въ глаза своею несправедливостью отзывъ можетъ только удивлять оставшихся въ живыхъ современниковъ эпохи, а тѣмъ болѣе находившихся тогда въ рядахъ Русскаго войска. Вслѣдствіе чего и намъ теперь, съ нашей стороны, можно тоже дозволить себѣ выразиться на счетъ автора его же словами предпослѣдней выписки, что онъ, толкуя „о тогдашнемъ положеніи Россіи, невольно носить въ рѣчахъ своихъ отпечатокъ или притворства и лжи, или бесполезнаго осужденія и злобы на людей эпохи, обвиняемыхъ имъ теперь за то, въ чемъ никто изъ нихъ не былъ виноватъ“. При томъ же: если авторъ, въ сферѣ отвлеченныхъ вопросовъ, придерживается, какъ видно, фатализма, и вслѣдствіе этого смотритъ на исторію всѣхъ народовъ, какъ на бессмысленныя движенія людей, то справедливо-ли съ такимъ ожесточеніемъ набрасывается на Русскихъ того времени? Вѣдь на основаніи такихъ теорій ни народъ въ 12-мъ году, ни правительство, ни войско, ни вожди ихъ, какъ слѣпныя орудія рока, не могли быть повинны рѣшительно ни въ чемъ, ибо все тогда (по его же воззрѣніямъ) должно было двигаться и совершаться безъ участія ума и воли дѣятелей.

Стр. 201. „Они (Ростовъ и княжна Марія) говорили о войнѣ невольно, какъ и всѣ, преувеличивая свою печаль объ этомъ событіи“, и нѣсколько строкъ далѣе:

„Видно было, что о несчастіяхъ Россіи она (княжна Марія) могла говорить притворно“.

По такому внушенію значить, что дѣйствительной горькой печали въ 12-мъ году для Россіи и Русскихъ не существовало. Для бѣльшаго же въ томъ убѣжденія авторъ вплетаетъ въ разговоры лицъ романа совершенно неправдоподобныя чувства и мысли Русскихъ людей того времени. Припомнимъ, однако, себѣ то чувство грустной печали, какое 19 лѣтъ назадъ легло на всю Россію при извѣстїи о потерѣ одной только южной части Севастополя. Но чтѣ значить для громадной Россіи потеря половины крѣпости на самомъ краю Русской земли, въ сравненіи съ тѣмъ положеніемъ Россіи, когда немалая часть ея территоріи была занята 500 т. враговъ, которые при обладаніи уже сердцемъ ея Москвою, угрожали совершеннымъ крушеніемъ государства? Сопоставивъ этѣ двѣ эпохи, трудно не убѣдиться въ явно-ложномъ указаніи на будто притворную и преувеличенную печаль Русскихъ въ 12-мъ году. Кто жилъ въ ту эпоху, конечно помнитъ до какой степени горькая печаль была тогда непритворна и не преувеличена.

А вотъ съ другой стороны то обаятельное чувство относительно Французовъ, какое приписывается тому же господину Пьеру, попавшему въ плѣнъ.

Стр. 218. „Очевидно Русское гнѣздо было разорено и уничтожено; но за уничтоженіемъ этого Русскаго порядка жизни, Пьеръ безсознательно чувствовалъ, что надъ этимъ разореннымъ гнѣздомъ установился свой, совсѣмъ другой, но твердый Французскій порядокъ“.

Нехудо замѣтить, съ какимъ удареніемъ это сказано и съ какимъ чувствомъ наслажденія говорится о будто-бы разоренномъ уже Русскомъ гнѣздѣ.

Стр. 219. „Онъ (Пьеръ) чувствовалъ себя ничтожной щепкой, попавшей въ колеса неизвѣстной ему, но правильно дѣйствующей машины“.

Здѣсь выходитъ какая-то странная аномалія! Ибо какимъ же это образомъ твердый Французскій порядокъ, и эта правильно дѣйствующая машина сгубили великую 500 т. армію, а за тѣмъ и самую Францію? Русскій же (какъ видно изъ всего чтѣ порицаетъ авторъ) слабый порядокъ и слѣдовательно неправильно по его мнѣнію дѣйствовавшая машина уничтожили пять сотъ тысячъ Французовъ и спасли отечество. Какъ ни напрягай кто свои мозговья способности, никогда не достигнешь возможность вывести какое либо правильное заключеніе изъ этой диковинной фразеологіи.

Стр. 267. „Даже иностранные, даже Французскіе историки признаютъ геніальность Русскихъ полководцевъ, говоря о фланговомъ маршѣ. Но почему военные, а за ними и всѣ, полагаютъ, что этотъ фланговый маршъ есть весьма глубокомысленное изобрѣтеніе какого-нибудь одного лица, спасшаго Россію и погубившаго Наполеона, весьма трудно понять. Во первыхъ, трудно понять, въ чемъ состоитъ глубокомысліе и геніальность этого движенія; и такъ далѣе....

Если всѣ сдѣланныя до сего выписки изъ романа не совсѣмъ еще убѣдили читателя въ очень враждебномъ взглядѣ автора на весь ходъ Отечественнѣй войны, то послѣдняя выписка и весьма натянутое затѣмъ военно-критическое обсужденіе этого фланговаго движенія, не могутъ уже рѣшительно оставить какое-либо въ томъ сомнѣніе. И дѣйствительно, возможно-ли рѣшиться низводить на степень ничтожнаго эпизода войны 12 года, то движеніе Русской арміи, которое, по глубокомысленному соображенію князя Кутузова, поставило Наполеона въ безвыходное положеніе и послужило къ рѣшительной гибели его арміи; то движеніе, которое, какъ самъ же авторъ сознаетъ, что даже иностранные историки и сами Французы признаютъ геніальнымъ? Соверши-же подобный маневръ Наполеонъ съ тѣмъ успѣхомъ и съ тѣми важными для него послѣдствіями! Боже мой, какія воспѣлись-бы гимны восхваленія на весь міръ и восторженнаго удивленія къ великому военному генію. Но какъ этотъ подвигъ совершенъ геніемъ вожда Русскихъ войскъ, то напелся Русскій человекъ, пожелавшій утверждать, что въ этомъ маневрѣ нельзя видѣть никакого глубокомыслія, и что онъ.

Стр. 258. „Вытекалъ изъ безчисленнаго количества самыхъ разнообразныхъ условій, и только тогда представлялся во всей цѣльности, когда онъ совершился и сталъ прошедшимъ“.

Не изъ подобныхъ-ли разнообразныхъ условій вытекло и сочиненіе „Война и Миръ“; однако авторъ вѣроятно смотритъ на произведеніе свое какъ на твореніе, вытекшее изъ его собственнаго глубокомыслія; такъ въ силу какой-же логики, онъ такъ упорно старается лишить Кутузова глубокомыслія и славы исполненія столь геніальной стратагемы, приписывая ее къ случайностямъ? Вѣдь это не совсѣмъ справедливо со стороны автора, тѣмъ болѣе, что въ сущности между нимъ и Кутузовымъ все же найдется небольшая разница, состоящая въ томъ, что дѣйствительное глубокомысліе Кутузова спасло Россію, а глубокомысліе въ новыхъ теоріяхъ и возрѣвнѣяхъ автора можетъ принести сущій вредъ многимъ Русскимъ, которые по излишней довѣр-

чивости къ ученію отрицанія легко могутъ подвергнуться нравственной порчѣ.

Стр. 261. „Заслуга Кутузова не состояла въ какомъ нибудь геніальномъ, какъ это показываютъ, стратегическомъ маневрѣ, а въ томъ, что онъ одинъ понималъ значеніе совершавшагося событія. Онъ одинъ понималъ уже тогда значеніе бездѣйствія Французской арміи; онъ одинъ продолжалъ утверждать, что Бородинское сраженіе была побѣда“.

А кто же довелъ Французскую армію до бездѣйствія, какъ не тотъ же Кутузовъ, который не только понималъ значеніе этого совершавшагося событія, но даже предвидѣлъ его, сказавъ передъ сдачею Москвы: „будутъ же они у меня жрать лошадиное мясо“.

Стр. 260. „Знаменитый фланговый маршъ состоялъ только въ томъ, что Русское войско, отступая все прямо назадъ по обратному направленію наступленія, послѣ того какъ наступленіе Французовъ прекратилось, отклонилось отъ принятаго сначала прямого направленія и, не видя за собою преслѣдованія, естественно подалось въ ту сторону, куда его влекло обиліе продовольствія“.

Какъ понять это изложеніе, имѣющее доказать, что знаменитый фланговой маршъ не былъ знаменитъ. Когда Русскіе, имѣя за собою Французскую армію, подвигались отъ Запада на Востокъ, то они тогда дѣйствительно отступали, когда-же вдругъ пошли отъ Востока на Юго-Западъ имѣя Французскую армію съ боку отъ себя, то какое-же могло быть новое придуманное авторомъ „отступленіе Русскаго войска прямо назадъ по обратному направленію наступленія съ отклоненіемъ его отъ принятаго сначала прямого направленія“? И какое изъ этой фразы можно вынести убѣжденіе въ ничтожности факта, какъ это усиливается доказать авторъ?

Достойно замѣчанія, что во всемъ романѣ, добрая треть котораго изукрашена искаженнымъ сказаніемъ о войнѣ 1812 г., за исключеніемъ Кутузова, и то изрѣдка, какъ будто для очищенія совѣсти, никто изъ другихъ полководцевъ не удостоенъ авторомъ добрымъ словомъ; да и вообще о нихъ почти не упоминается, какъ будто ихъ тогда не было на лицо и какъ будто Русскія арміи были тогда руководимы лишь однимъ слѣпымъ рокомъ.

Но съ другой стороны, потрунить, понасмѣяться надъ ними авторъ не упускаетъ случая.

Во время нашей обычной бивачной стоянки подъ Тарутиномъ, каждый вечеръ передъ зарею, въ разныхъ мѣстахъ обширнаго распо-

ложенія, войскъ раздавались звуки музыки и пѣсенниковъ. Офицеры сходились у хоровъ; примѣшивались къ нимъ и генералы. Все это служило немалымъ развлеченіемъ и оживленіемъ въ однообразной и скучной бивачной жизни до новаго столкновенія съ непріателемъ. Никто не находилъ въ этомъ ничего предосудительнаго, какъ и въ мирное время никто не осуждается за посѣщеніе театровъ, баловъ и тому подобныхъ развлеченій; при томъ-же, музыка и пѣсни въ войскахъ во время походовъ никогда не запрещались. Но авторъ и этимъ разсудилъ воспользоваться для своихъ насмѣшекъ. Ему, стремящемуся скорѣе унизить чѣмъ возвысить честь и достоинство генераловъ Отечественной войны, понадобилось сгруппировать на одной пирушкѣ съ пѣсенниками, нѣкоторыхъ начальниковъ войскъ, въ томъ числѣ Ермолова, и прибавить:

Стр. 268. „Всѣ генералы были въ разстегнутыхъ сюртукахъ съ красными оживленными лицами и громко смѣялись, стоя полукругомъ. Въ срединѣ залы, красивый, невысокій генералъ съ краснымъ лицомъ бойко и ловко выдѣлывалъ трепака“.

Картина эта опять лишь плодъ игривыхъ фантазій, или написана она по нелѣпымъ слухамъ, схваченнымъ со словъ людей одного взгляда съ авторомъ. А какъ скептики вообще всегда готовы пошкольничать и поиздѣваться надъ чѣмъ бы то ни было, то и здѣсь къ дѣлу столь серьезному какъ описаніе войны, да еще войны Отечественной, столь священной для Русскихъ по однимъ воспоминаніямъ, нашлось очень умѣстнымъ приплестъ фарсъ собственнаго изобрѣтенія.

Положимъ однако, что въ семейномъ кружкѣ, между своими военными братьями, это и было такъ. Допустимъ, что картина изображена вѣрно; но достойно-ли чести художника ухватиться за это, для удовлетворенія своему неистовому негодованію къ эпохѣ, бросая и тутъ сатирую на тѣхъ, которые въ ту же ночь или на слѣдующее утро, какъ это и было на самомъ дѣлѣ, мужественно дрались съ врагомъ, жертвуя собою за отечество. Даже тотъ самый, на котораго намекалъ авторъ, такъ зло надъ нимъ подшучивая, быть можетъ, и дѣйствительно поплатился жизнью при исполненіи своего долга, какъ честный воинъ. Вѣдь люди съ красными иногда лицами не большее еще зло для войны, лишь бы сами-то они нравственно не были красными.

Не сочиняется-ли все это изъ сильнаго желанія привлечь наибольшее вниманіе къ роману? Но читатель не зараженный скалозубствомъ, человекъ серьезный и съ правдивою душею, не можетъ не понять, и не понять очень ясно, что тутъ достойны порицанія, не осмѣянные,

а напротивъ цинически смѣющіеся и подшучивающіе надъ доблестными труженниками славнаго времени.

Въ жизни народовъ каждый періодъ имѣлъ свои нравы, свои обычаи и свои особенности, вслѣдствіе чего въ иное время можетъ показаться страннымъ и неприличнымъ то, на что, за 50 или за 100 лѣтъ назадъ, смотрѣли какъ на неимѣющее ничего страннаго и предосудительнаго. По возвращеніи нашей гвардіи изъ Парижа въ Петербургъ, мнѣ не разъ и въ теченіи не одной зимы, случалось видѣть на придворныхъ балахъ, какъ графъ Милорадовичъ, одинъ изъ блистательныхъ героевъ и дѣятелей 1812—1814 годовъ, въ башмакахъ при короткомъ бѣломъ исподнемъ съ лентою св. Андрея черезъ плечо и со звѣздою св. Георгія на груди, танцовывалъ мазурку. Самъ Государь Александръ Павловичъ, низвергнувшій Наполеона съ его величія и освободившій Европу отъ его ига, тоже при башмакахъ, въ Преображенскомъ или Семеновскомъ, а иногда въ Конно-егерскомъ или въ красномъ кавалергардскомъ мундирѣ, появлялся въ танцахъ, состоявшихъ тогда болѣе изъ вальсовъ. Государь, не оставляя своей привычной величавой осанки, вальсировалъ особенно ловко. И однако никто тогда этому не удивлялся и не находилъ страннымъ, такъ за чтоже авторъ нашелъ нужнымъ осмѣять нѣкоторыхъ тѣхъ, во время бивачной жизни вздумавшихъ поразвлечь себя пѣсенниками и повеселиться, а быть можетъ для шутокъ и попрыгать въ своемъ семейномъ кружкѣ.

Не менѣе преувеличено описаніе неистоваго будто гнѣва Кутузова, когда онъ узналъ, что приказаніе его не было приведено въ исполненіе.

Стр. 269. И тресаясь, задыхаясь, старый человекъ, придя въ то состояніе бѣшенства, въ которое онъ въ состояніи былъ приходить, когда валялся по землѣ отъ гнѣва, онъ напустился на Эйхена, угрожая руками, крича и ругая площадными словами.

Желаніе усилить неуваженіе къ личности и къ характеру Кутузова и здѣсь сквозить въ каждой строкѣ, въ каждомъ словѣ, хотя въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ сочиненія какъ будто-бы проглядываетъ намѣреніе отдать частичку справедливости его уму.

Описаніе Тарутинскаго сраженія, которое въ сущности не было выполнено съ тою удачею какъ предполагалось, излагается тоже довольно курьезно какъ видно для потѣхи читателей романа, забывая вѣроятно, что, при ночныхъ скрытыхъ манѣврахъ отдѣльными корпусами или большими отрядами войскъ, совершенное и самое точное выполненіе

задуманныхъ обходныхъ движеній—дѣло очень и очень трудное, и ошибки здѣсь почти неизбѣжны.

Стр. 279. Между тѣмъ по диспозиціи пѣхотныя войска опоздавшихъ колоннъ, которыми командовалъ Бенигсенъ и управлялъ Толь, выступили какъ слѣдуетъ и, какъ всегда бываетъ, пришли куда-то, но не туда, куда имъ было назначено. Какъ всегда бываетъ, люди вышедшіе весело стали останавливаться; послышалось неудовольствіе, сознаніе путаницы, двинулись куда-то назадъ. Прискакавшіе адъютанты и генералы кричали, сердились, ссорились, говорили что совсѣмъ не туда и опоздали, кого-то бранили и т. п., и наконецъ всѣ махнули рукою и пошли только съ тѣмъ, чтобы идти куда-нибудь.—Куда-нибудь да придемъ! и дѣйствительно пришли, но не туда, а нѣкоторые и туда, но опоздали, такъ что пришли безъ пользы, только для того, чтобы въ нихъ стрѣляли.

Стр. 274. Выйдя на поле подъ Французскіе выстрѣлы, взволнованный и храбрый Баговуть (слава Богу, хотя одного изъ Русскихъ генераловъ авторъ удостоилъ наконецъ назвать храбрымъ), не соображая того, полезно или бесполезно его вступленіе въ дѣло, теперь, и съ одною дивизіей, пошелъ прямо и повелъ свои войска подъ выстрѣлы: одна изъ первыхъ пуль убила его.

Баговуть былъ убитъ не пулею, а ядромъ. Но видно все историческое въ этомъ романѣ должно быть рассказано на изворотъ. А такая новая манера описывать сраженія и движенія войскъ вѣроятно издумана для того, чтобы придать больше оригинальности роману, хотя и въ прямой ущербъ правдѣ относительно разныхъ эпизодовъ войны 1812-го года, въ томъ числѣ и Тарутинскаго дѣла, въ которомъ, однако, Русскими было отбито у Французовъ 38 орудій и взято въ плѣнъ 1500 человекъ. Не ясно-ли, что посредствомъ всѣхъ этихъ утрировокъ и подсмѣиваній имѣлось въ виду насильственное подчиненіе читателей своему непріязненному взгляду на ту войну?

Стр. 276. Вотъ какъ у насъ всегда дѣлается, все на выворотъ! Говорили послѣ Тарутинскаго сраженія Русскіе офицеры и генералы, точно такъ же какъ и говорятъ теперь, давая чувствовать, что кто-то тамъ глупый дѣлаетъ на выворотъ, а мы-бы не такъ сдѣлали. Но люди, говорящіе такъ, или не знаютъ дѣла, про которое говорятъ, или умышленно обманываютъ себя.

Вотъ этѣ-то три строчки не худо бы было автору примѣнить къ самому себѣ.

Однако, онъ все же вынужденъ былъ подь конецъ выразиться объ этомъ сраженіи слѣдующими строками:

Стр. 277. При самой ничтожной потерѣ, были приобрѣтены самыя большіе результаты во всю кампанію, былъ сдѣланъ переходъ отъ отступленія къ наступленію, была обличена слабость Французовъ и былъ толчекъ, котораго только и ожидало Наполеоновское войско для начатія бѣгства.

Чего же больше? Ежели же самъ авторъ сознаетъ теперь, что Тарутинское сраженіе было толчкомъ къ началу бѣгства Французовъ—то для чего-же было передъ тѣмъ такъ много глумиться, да еще такъ неумѣренно тѣшиться надъ нимъ?

Упрекая, наконецъ, самаго Наполеона въ неумѣніи распорядиться тогда, какъ слѣдовало бы, для подавленія Русскихъ, авторъ между прочимъ говоритъ:

Стр. 278. Выдти изъ Москвы, подойти къ Кутузову, не начать сраженія, пойти въ право, дойти до Малаго Ярославца, опять не испытать случайности пробиться, пойти не по той дорогѣ, по которой пошелъ Кутузовъ, а пойти назадъ на Можайскъ по раззоренной Смоленской дорогѣ—глупѣ этого, пагубнѣе для войска ничего нельзя было придумать, какъ то и показали послѣдствія.

Все это наговорено въ такомъ смыслѣ, какъ будто Наполеонъ пошелъ по раззоренной Смоленской дорогѣ не по принужденію, а по собственной волѣ или по своему выбору. Но развѣ въ кровопролитномъ Малоарославецкомъ сраженіи онъ не искалъ той случайности пробиться, о которой намекаетъ авторъ? Развѣ Наполеонъ не потерялъ въ этомъ дѣлѣ пяти генераловъ, въ томъ числѣ дивизіоннаго Дальзона и до пяти тысячъ войска наравнѣ съ Русскими? Развѣ своевременное прибытіе изъ подь Тарутина Кутузова со всею арміею къ Малоарославецкому сраженію не вынудило Наполеона убѣдиться, что намѣреніе его бѣжать черезъ полуденныя наши губерніи сдѣлалось совершенно невыполнимымъ? А на Медынь ему повернуть было тоже трудно, потому что къ прегражденію ему и этого направленія уже двинута была часть нашихъ войскъ. По всему этому возможно-ли внушать, что Наполеонъ, стукнувшись о Малоарославецъ, бросился отъ него назадъ по доброй волѣ для того, чтобы бѣжать безъ продовольствія для очень плохо одѣтой и обутой арміи своей, по раззоренной Смоленской

дорогѣ, а не вынужденъ былъ къ тому вслѣдствіе неожиданной встрѣчи его съ Кутузовымъ подъ Малоярославцемъ. Вообще эпизодъ этотъ Отечественной войны выставляется въ романѣ очень малозначущимъ дѣломъ, тогда какъ, напротивъ, вслѣдствіе напряженія силъ Русскихъ генераловъ и войскъ, въ тѣ самые дни и произошелъ тотъ поворотъ дѣлъ для рѣшительной гибели врага, который далъ наконецъ Россіи возможность вздохнуть свободно. Неужели такой крупный фактъ можно надѣяться вычеркнуть вовсе изъ событій того времени, не выказавъ прямого и полного неуваженія къ исторической истинѣ?

Для болѣе вѣрнаго отвода вниманія отъ этого многозначущаго предмета авторъ придумалъ слѣдующую притчу, которою и забавляетъ своихъ читателей.

Стр. 289. Очень часто раненое животное, слышавъ шорохъ, бросается на выстрѣлъ на охотника, бѣжитъ впередъ, назадъ и самоускоряетъ свой конецъ. Тоже самое дѣлалъ Наполеонъ подъ давленіемъ всего его войска. Шорохъ Тарутинскаго сраженія спугнулъ звѣря, и онъ бросился впередъ на выстрѣлъ, добѣжалъ до охотника, вернулся опять назадъ, и наконецъ, какъ всякій звѣрь, побѣжалъ назадъ, по самому невыгодному, опасному пути, но по знакомому, старому слѣду.

Ну, какъ тутъ, по прочтеніи такой милой побасенки, читателю, ничего не понимающему въ дѣлѣ войны и не знающему, что за звѣрь такой война, не поддаться столь счастливому уподобленію звѣря съ Наполеономъ и какъ ему теперь не повѣрить на-слово автору, что Наполеонъ не былъ вынужденъ бѣжать по тому направленію, какое подготовилъ и указалъ ему Кутузовъ, а такъ самъ по себѣ, подумалъ, подумалъ, да и пошелъ неспѣша назадъ? По выступленіи непріятеля изъ Москвы, наши генералы очень зорко наблюдали и слѣдили за каждымъ его шагомъ, что и было поводомъ къ быстрымъ до изумленія передвиженіямъ нашихъ войскъ и отрядовъ. Однако, вопреки истинѣ, въ романѣ читаемъ:

Стр. 319. Дохтуровъ идетъ къ Малоярославцу, но Кутузовъ медлитъ со всей арміей и отдаетъ приказаніе объ очищеніи Калуги, отступленіе за которую представляется ему весьма возможнымъ.

Кутузовъ вездѣ отступаетъ, но непріятель, не дожидаясь его отступленія, бѣжитъ назадъ въ противную сторону.

Въ намекѣ на какую-то, будто бы намѣренную, медленность Кутузова, нельзя не увидеть новаго желанія понабросить еще болѣе темной тѣни на его дѣйствія въ тѣ дни, а вмѣстѣ съ тѣмъ и желанія блеснуть оригинальностью взгляда. Но кто изъ насъ свидѣтелей того времени, находящихся еще въ живыхъ, не помнитъ, что Русская армія оставила Тарутинскія биваки 11-го Октября, то есть непосредственно за тою ночью, когда князь Кутузовъ получилъ извѣстіе о направленіи непріятеля къ Боровску и Малоярославцу. И если случилось тутъ дѣйствительное на нѣсколько часовъ промедленіе, то это произошло вслѣдствіе того, что нужно было дождаться возвращенія къ полкамъ фуражировъ, вышедшихъ передъ тѣмъ верстъ за двадцать отъ бивака. Армія же двинулась къ Малоярославцу не для отступленія, какъ на это угодно указывать автору, а для прегражденія Французамъ пути на Калугу, и, совершивъ трудный переходъ по проселочнымъ дорогамъ большею частью въ ночное время, 12-го числа пришла къ Малоярославцу на подкрѣпленіе Дохтурова, успѣвшаго уже завязать сраженіе. Даже Милорадовичъ, стоявшій съ своимъ авангардомъ у Воронова за 50 сличшимъ верстъ отъ Малоярославца, успѣлъ въ тотъ день придти туда же, сдѣлавъ этотъ форсированный маршъ въ теченіи тоже однихъ сутокъ. И вотъ такую-то быстроту въ передвиженіи сто-тысячной арміи авторъ сочиненія рѣшается превращать въ медленность, прибавляя еще къ тому на той же страницѣ сущую ложь, будто бы: „Ничто не мѣшало Наполеону идти въ эти полуденныя губерніи, такъ какъ Русская армія давала ему дорогу“. Для большаго же внушенія въ томъ, что Наполеонъ побѣждалъ назадъ не вслѣдствіе быстрого сбора главныхъ частей Русской арміи у Малоярославца и происшедшаго тамъ сраженія, а лишь изъ боязни попасть самому лично въ руки казаковъ, авторъ придумалъ поразсказать на свой ладъ объ эпизодѣ ночнаго поиска казаковъ въ срединѣ Французской арміи; не упустилъ однако случая и этотъ подвигъ изложить съ придачею неизбѣжной во всемъ его сказаніи о 12-мъ годѣ черной тѣни и насчетъ казаковъ,—той части Русскаго войска, которая своею неутомимою отвагою такъ много способствовала къ уменьшенію силъ врага, наводила на него паническій страхъ и была предметомъ удивленія Европы.

Стр. 320. Наполеонъ, рано утромъ, притворясь, что хочетъ осматривать войска и поле прошедшаго и будущаго сраженія, со свитой маршаловъ и конвоя, ѣхалъ по срединѣ линіи расположенія войскъ. Казаки, шнырявшіе около добычи, наткнулись на самаго императора и чуть чуть не поймали его. Ежели казаки не

поймали въ этотъ разъ Наполеона, то спасло его тоже, что губило Французовъ: добыча, на которую и въ Тарутинѣ и здѣсь, оставляя людей, бросались казаки. Они, не обращая вниманія на Наполеона, бросились на добычу, и Наполеонъ успѣлъ уйти.

Казаки и не могли обращать вниманіе на Наполеона по той естественной причинѣ, что присутствіе его при трехъ взводахъ кавалеріи трудно было предполагать. Они не могли его видѣть издали, а еще менѣе узнать, потому что въ тотъ моментъ было еще темно. Бросаться же казакамъ на регулярную кавалерію и не слѣдовало. Сверхъ того, казаки не шныряли около добычи, какъ угодно выразиться автору, а были посланы начальствомъ для развѣдки. Случай этотъ въ дѣйствительности, какъ описываютъ его наши военные писатели, произошелъ слѣдующимъ образомъ. По приказанію князя Кутузова, Платовъ, въ ночь съ 12-го на 13-е Октября, отрядилъ три партіи казаковъ на лѣвый берегъ рѣчки Лужи. Донцы дошли до большой дороги ведущей къ Малоярославцу отъ Городна, главной квартиры Наполеона въ ту ночь и, увидавъ передъ свѣтомъ, но еще въ темнотѣ, тянущуюся по дорогѣ Французскую артиллерію, бросились на нее и пока одни поворачивали пушки, чтобы увезти съ собою, другіе понеслись далѣе и наткнулись на три кавалерійскихъ взвода, къ которымъ спѣшили на помощь ихъ драгуны; вслѣдствіе чего казаки должны были разумно отступить, однако успѣли увезти одиннадцать орудій и нѣсколько боченковъ золота.

Самому Наполеону случилось тутъ быть вслѣдствіе того, что онъ въ ту ночь вздумалъ отправиться съ сильнымъ кавалерійскимъ конвоемъ къ Малоярославцу для ранняго утрома осмотра мѣста бывшаго наканунѣ сраженія и для соображеній своихъ относительно новаго, которое онъ въ ту еще ночь предполагалъ возможнымъ повторить. Онъ выѣхалъ, никакъ не подозрѣвая встрѣчи съ Русскими, да еще въ такомъ близкомъ разстояніи отъ своей главной квартиры.

Стр. 320. Когда вотъ, вотъ *Les enfants du Don* могли поймать самаго императора, въ срединѣ его арміи, ясно было, что нечего больше дѣлать, какъ только бѣжать какъ можно скорѣе по ближайшей знакомой дорогѣ.

На эти строки прежде всего должно замѣтить, что дорога, по которой Наполеонъ вынужденъ былъ бѣжать отъ Малоярославца къ Смоленску черезъ Можайскъ, не была ближайшею. Стоитъ только взглянуть на карту. И потомъ нельзя не замѣтить, что авторъ самъ въ этихъ строкахъ опровергаетъ свое прежнее усиліе убѣдить въ без-

причинномъ будто бы бѣгствѣ Наполеона, сознавая здѣсь, что была же къ тому причина, хотя она и состояла лишь въ одной боязни Наполеона быть пойману казаками, этими *Enfants du Don*. Однако все же нельзя согласиться съ мнѣніемъ автора, чтобы кромѣ этой причины къ побѣгу не было еще и Малоярославецкаго сраженія, значеніе котораго авторъ усиливается умалить.

Стр. 322. Всѣ высшіе чины арміи хотѣли отличиться, отрѣзать, перехватить, полонить, опрокинуть Французовъ и всѣ требовали наступленія.

Стр. 323. И сколько ни старался Кутузовъ удержать войска, войска наши атаквали, стараясь загородить дорогу. Пѣхотные полки, какъ рассказываютъ, съ музыкой и барабаннымъ боемъ ходили въ атаку, и побили и потеряли тысячи людей. Но отрѣзать никого не отрѣзали и не опрокинули. И Французское войско, стянувшись крѣпче отъ опасности, продолжало, равномерно тая, все тотъ же свой гибельный путь къ Смоленску.

Такъ заканчивается 5-й томъ сочиненія, который, какъ полагали тогда, могъ быть послѣднимъ. „Никого не отрѣзали и не опрокинули“ можно было написать лишь для бѣльшаго эффекта, или для того, чтобы у какого либо очень наивнаго читателя романа еще глубже врѣзалось то не очень лестное мнѣніе о дѣятеляхъ 12-го года, какое авторъ усиленно проводилъ съ самаго начала, принося славу Россіи въ жертву своимъ воззрѣніямъ. Но великія событія, совершившіяся въ то время съ столь блестящими успѣхами, всегда будутъ говорить сами за себя. И если бы кто вздумалъ повѣрить, что тогда Русскіе „никого не отрѣзали, не опрокинули“, то какъ бы онъ могъ согласить это показаніе съ тѣмъ дѣйствительнымъ и неопровержимымъ фактомъ, что Французы, находясь 14-го Октября еще у Малоярославца, 30-го того же мѣсяца бѣжали уже вблизи Смоленска, но уже въ половинномъ числѣ противъ того, какъ были при занятіи Москвы; сверхъ того почти безъ кавалеріи, а изъ артиллеріи ихъ болѣе 200 орудій уже тогда находились въ рукахъ Русскихъ? Не ясно-ли, что такой быстрый пробѣгъ Французской арміи 400-хъ верстнаго протяженія въ теченіи лишь двухъ недѣль съ страшными при томъ потерями, могъ, вопреки сказанію автора, произойти только вслѣдствіе того, что авангардъ Русской арміи и казаки Платова ежедневно опрокидывали и гнали аріергардъ Французской, а главныя силы Русской арміи боковымъ своимъ движеніемъ отрѣзывали нѣкоторыя части Французской арміи? Такъ: Русскіе уже 3-го Ноября подходили къ Красному, т. е.

40 верстѣ далѣе Смоленска, тогда какъ сильно пострадавшіе Французы только въ маломъ числѣ успѣли съ Наполеономъ выбраться изъ этого города, остальные же вынуждены были пробиваться въ теченіи трехъ сутокъ сквозь ряды нашихъ войскъ и сдаваться имъ, ставшимъ на перерывъ пути ихъ бѣгства. Потери Французовъ и при этомъ были очень значительны; доказательствомъ тому служатъ 116-ть отбитыхъ орудій и 26 т. взятыхъ въ плѣнъ, въ томъ числѣ шесть генераловъ.

Все это, на основаніи самыхъ достовѣрныхъ свѣдѣній и неопровержимыхъ чиселъ времени, исторія давно уже записала и признала за факты; а потому какъ не удивляться новому здѣсь усилію автора поколебать вѣру въ истину совершившихся событій, пуская въ ходъ хитросплетенныя фразы и двусмысленныя выдумки, изъ которыхъ образуются неизбѣжныя разнорѣчія и противорѣчія? Такъ напримѣръ, въ строкахъ послѣдней выписки говорится, „что войска наши старались загородить дорогу Наполеону“, а четыре страницы назадъ на 319-й читается: „что Русская армія давала ему дорогу“. Какому же изъ двухъ показаній вѣрить? Нельзя еще не обратить вниманіе и на то, какъ показываетъ таже выписка, что будто бы „Французское войско стянувшись крѣпко и равномерно тая, продолжало свой гибельный путь къ Смоленску“. Въ сущности Французское войско, въ то время бѣгства и ужаснаго бѣдствія своего, рѣшительно не могло стягиваться крѣпко, по той причинѣ, что Русское войско, напирая на Французовъ и обхватывая ихъ съ разныхъ сторонъ, вынуждало ихъ, напротивъ, сильно растягиваться, а выраженіе, что „Французское войско равномерно таяло“, какъ будто пригрѣваемое весеннимъ солнцемъ, далеко не вѣрно, потому что оно, напротивъ, отъ наступившихъ морозовъ равномерно и постепенно не таяло, а замерзало.

Правда, что Русскіе варвары не давали при этомъ спокойно вздохнуть цивилизованнымъ Французамъ, и чрезъ то поступали нѣсколько жестоко, даже ожесточенно. Но это было слѣдствіе очень понятнаго возбужденія. Русскіе мстили тогда цивилизованнымъ Французамъ за ихъ варварское разстрѣливаніе Смоленскихъ дворянъ, за ихъ грабежи, за уничтоженіе пожарами городовъ и сельъ, за подрывъ Кремля, за обращеніе православныхъ храмовъ въ конюшни и тому подобныя злодѣянія. Сверхъ того, Русскіе выпроваживали тутъ непрошенныхъ гостей, прибывшихъ къ нимъ съ высокою цѣлью облагодѣтельствовать ихъ своимъ господствомъ, причисливъ тоже къ своимъ вассаламъ.

Когда же Русскимъ варварамъ пришлось прикинуться свѣдующими въ свѣтскихъ приличіяхъ оплатою визита Французамъ, и они осмѣлились проникнуть даже въ знаменитую столицу міра, то, хотя и не

были признаны Европою за людей цивилизованныхъ, вели себя однако далеко не такъ варварски, какъ это позволяли себѣ цивилизованные Французы при занятіи нѣкоторыхъ Русскихъ губерній. Справедливая месть могла бы служить очень хорошимъ оправданіемъ для Русскихъ, но все оставалось во Франціи на своемъ мѣстѣ, ничего не было ни сожжено, ни разрушено, ни разграблено. Самъ Парижъ, занятый Русскими послѣ боя, не только не пострадалъ, но порядочно, напротивъ, нажился отъ трехъ-мѣсячнаго въ немъ пребыванія Государя съ главною квартирою и гвардіею своею.

Въ шестомъ томѣ сочиненія снова заводится рѣчь о Бородинскомъ сраженіи, о пребываніи Французовъ въ Москвѣ и опять съ какою-то особенною настойчивостью повторяется о безпричинномъ будто бѣгствѣ Наполеона.

Томъ 6-й, стр. 1. „Бородинское сраженіе съ послѣдовавшимъ занятіемъ Москвы и бѣгствомъ Французовъ безъ новыхъ сраженій есть одно изъ самыхъ поучительныхъ явленій исторіи.

А Тарутинское и упорное кровопролитное Малоярославецкое сраженія развѣ не были, какъ уже было замѣчено, тоже очень сильными побужденіями къ бѣгству Французовъ и развѣ были такъ маловажны, что не стоятъ быть упоминаемы? Правда, что эти два сраженія не были такъ кровопролитны, какъ Бородинское, но, по связи ихъ съ общимъ ходомъ войны, нельзя же вычеркнуть изъ числа совершившихся тогда фактовъ. О Тарутинскомъ же дѣлѣ самъ авторъ, при описаніи его въ 5-мъ томѣ стр. 277, вынужденъ былъ сказать, что имъ „былъ данъ тотъ толчекъ, котораго только и ожидало Наполеоновское войско для начатія бѣгства“. Теперь же читаемъ:

Томъ 6-й стр. 2-я. „Послѣ Бородинской побѣды Французовъ не было ни одного не только генеральнаго, но сколько нибудь значительнаго сраженія, а Французская армія перестала существовать. Что это значитъ?“

Какъ, что это значитъ? Значитъ то, что, независимо отъ громаднаго недочета въ людяхъ Французской арміи послѣ Бородинской битвы, эта армія перестала еще существовать и отъ того, что императоръ Александръ I-й твердо рѣшился отвергать какія бы то ни было предложенія о мирѣ со стороны Наполеона, на котораго онъ имѣлъ полное право негодовать. А за тѣмъ Французская армія перестала существовать и велѣдствіе мудрыхъ соображеній и распоряженій князя Кутузова, изъ коихъ проистекли тѣ причины, которыя авторъ усиливается отвергать, въ томъ числѣ, какъ уже выше сказано—одну изъ главныхъ причинъ, состоявшую въ Малоярославецкомъ отпорѣ, недопустившемъ Фран-

пузскую армію прорваться въ наши полуденныя губерніи. А Наполеонъ сильно къ тому стремился, какъ къ единственной еще оставшейся у него надежды для спасенія уже очень уменьшившейся арміи своей.

Стр. 2. Періодъ кампаніи 1812-го года отъ Бородинскаго сраженія до изгнанія Французовъ доказалъ, что выигранное сраженіе не только не есть причина завоеванія, но даже и не постоянный признакъ завоеванія; доказалъ, что сила, рѣшающая участь народовъ, лежитъ не въ завоевателяхъ, даже не въ арміяхъ и сраженіяхъ, а въ чемъ-то другомъ.

Дѣйствительно, сила рѣшающая участь народовъ при грозящей опасности лежитъ прежде всего въ неисповѣдимой волѣ Всемогущаго, а затѣмъ въ бѣльшей или меньшей мудрости и распорядительности полководцевъ, да въ мужествѣ войскъ и въ духѣ народа. И вотъ эта-то дѣйствительно существовавшая тогда сила Русскихъ рѣшила участь Французской арміи, а вслѣдствіе того вскорѣ за тѣмъ и участь первой Французской имперіи.

Жестокое Бородинское побоище, стоявшее 120 т. людскихъ жертвъ (съ обѣихъ сторонъ), о которомъ въ началѣ 6-го тома упоминается вновь какъ о побѣдѣ Французовъ, а въ другихъ мѣстахъ романа говорилось какъ о побѣдѣ Русскихъ, не можетъ по всей справедливости назваться совершенною побѣдою ни для одной изъ бившихся въ тотъ день сторонъ;—Наполеонъ не могъ въ сущности считать его побѣдою потому, что потерялъ въ немъ болѣе генераловъ и солдатъ чѣмъ Русскіе и что вся Русская армія провела ночь съ 26-го на 27-е Августа на самомъ мѣстѣ сраженія; но и Кутузовъ Бородинскую битву тоже не могъ назвать побѣдою, потому что не заставилъ непріятеля начать свое бѣгство съ того дня, а напротивъ самъ на другой день отступилъ по направленію къ Москвѣ; однако Кутузовъ этимъ отступленіемъ сохранилъ свою тоже уменьшившуюся въ Бородинѣ армію и, сдавъ безъ боя Москву, подготовилъ дѣйствительную побѣду, завершившуюся рѣшительною гибелью врага, двумя мѣсяцами позже.

Значительная убыль войскъ, понесенная Французами въ Бородинскомъ сраженіи, за отдаленностью резервовъ не могла быть вскорѣ пополнена; тогда какъ Русская армія такъ усилилась во время стоянки у Тарутина, что въ началѣ Октября численностью своею превышала уже непріятельскую, которая въ то время стала сильно рѣдѣть еще и отъ болѣзней вслѣдствіе худой пищи. Что же касается кавалеріи, то сила нашей еще болѣе превышала тогда силу непріятельской, лошади которой начали изнемогать и гибнуть отъ недостатка корма. Все это Кутузовъ предвидѣлъ, и авторъ на стр. 337 4-го тома справедливо

сказалъ, что Французское войско въ Москвѣ должно было гибнуть, истекая кровью отъ смертельной, нанесенной въ Бородинѣ раны.

Стр. 3-я. Французскіе историки, описывая положеніе Французскаго войска передъ выходомъ изъ Москвы, утверждаютъ, что все въ великой арміи было въ порядкѣ, исключая кавалеріи, артиллеріи и обозовъ (бездѣлица), да небыло фуража для корма лошадей и рогатаго скота. Этому бѣдствію не могло помочь ничто, потому что окрестные мужики жгли свое сѣно и не давали Французамъ.

Выигранное сраженіе не принесло обычныхъ результатовъ, потому что мужики Карпъ и Власъ, которые послѣ выступленія Французовъ пріѣхали въ Москву съ подводами грабить городъ и вообще не выказывали лично геройскихъ чувствъ, и все безчисленное количество такихъ мужиковъ не везли сѣна въ Москву за хорошія деньги, которыя имъ предлагали, а жгли его.

Здѣсь авторъ упрекаетъ подмосковныхъ крестьянъ за то, что они не везли сѣна Французамъ, даже за хорошія деньги, а предпочитали жечь его. Уже не слѣдовало-ли по мнѣнію автора добрымъ порядкомъ пожурить ихъ за то, что они посредствомъ такой неслужливости Французамъ немало способствовали къ ослабленію ихъ силъ, тогда какъ это то и было настоящимъ героизмомъ со стороны крестьянъ?

Стр. 58. Дѣйствія Русскаго и Французскаго войскъ во время обратной кампаніи отъ Москвы и до Нѣмана подобны игрѣ въ жмурки, когда двумъ играющимъ закрываютъ глаза, и одинъ изрѣдка звонитъ колокольчикомъ, чтобы увѣдомить о себѣ ловящаго. Сначала тотъ, кто ловитъ, звонитъ, не боясь непріятеля; но когда ему приходится плохо, онъ, стараясь неслышно идти, убѣгаетъ отъ своего врага и, часто думая убѣжать, идетъ прямо къ нему въ руки.

Такое уподобленіе быть можетъ очень остроумно, но самое примѣненіе игры въ жмурки къ двумъ арміямъ, изъ которыхъ Французская, какъ и самый авторъ признаетъ, просто бѣжала, совершенно неудачно. И это тѣмъ болѣе, что отъ самаго начала бѣгства Французовъ, съ Русскою арміею на плечахъ, положеніе ихъ далеко не было такъ свободно, чтобы можно было уподобить его—игрѣ въ жмурки. Да Французской арміи было тогда не до жмурокъ, и хотя авторъ пишетъ:

Стр. 59. „Что одна армія бѣжала, другая догоняла“.

Но въ сущности это было не такъ. По всей справедливости надо было сказать: одна армія бѣжала, другая же гнала, а часть Русской арміи двигалась лѣвою стороною черезъ Ельну по направленію къ Красному, куда и прибыла 3-го Ноября, тогда какъ бѣльшая часть Французской арміи находилась еще въ Смоленскѣ.

Стр. 59. Впереди всѣхъ бѣжалъ императоръ, потомъ короли, потомъ герцоги. Русская армія, думая, что Наполеонъ возьметъ вправо за Днѣпръ, что было одно разумно, подалась вправо и вышла на большую дорогу къ Красному.

Значить, все же не случайно произошло это со стороны Русскихъ, а было послѣдствіемъ распоряженій и дѣйствій князя Кутузова, который по соображеніямъ своимъ довольно вѣрно предугадалъ, что остатки Французской арміи должны были изъ Смоленска взять направленіе свое черезъ Красное. Не служить ли и это прямымъ доказательствомъ, что Русскими войсками тогда руководили умъ и разумъ, а не фатумъ, какъ это внушается въ романѣ?

Стр. 59. И тутъ какъ въ игрѣ въ жмурки (опять жмурки) Французы наткнулись на нашъ авангардъ. Неожиданно увидавъ врага, Французы смѣшались, пріостановились отъ неожиданности испуга, но потомъ опять побѣжали, бросая своихъ сзади слѣдовавшихъ товарищей. Тутъ, какъ сквозь строй Русскихъ войскъ, проходили три дня, одна за одной, отдѣльныя части Французовъ, сначала вице-короля, потомъ Даву, потомъ Нея. Всѣ они побросали другъ друга, побросали всѣ свои тяжести, артиллерію, половину народа, и убѣгали, только по ночамъ справа полукругами обходя Русскихъ.

Столь оригинальное описаніе военныхъ дѣйствій можно читать только въ сочиненіи написанномъ съ предвзятою цѣлью, обращаться съ историческими событіями въ своемъ отечествѣ совершенно безцеремонно, превращая ихъ въ какія-то басни и сказки. Довѣрчивый читатель, увлекшись хитросплетенными разказами и не подозрѣвая злаго намѣренія автора, пожалуй, приметъ все это за истину; но всякому другому, находящемуся въ трезвомъ мышленіи, нѣтъ возможности соединить въ головѣ своей, два разнородныя понятія въ одно и тоже время внушаемая, какъ на примѣръ: уподобленіе игрѣ въ жмурки—движеніе двухъ армій и вмѣстѣ съ тѣмъ проходъ одной изъ нихъ сквозь строй другой. А еще труднѣе уяснить себѣ, какъ это разбитые и пораженные тогда Французы убѣгали, только по ночамъ

справа полукругомъ обходя Русскихъ. Но нетрудно догадаться, что посредствомъ такой фразировки авторъ имѣлъ въ виду внушить, что и тутъ не Русскіе отрѣзывали и обходили Французовъ, а на противъ Французы обходили Русскихъ. За всеѣмъ тѣмъ, говоря: что Русскіе, ставъ на пути отступленія непріятельской арміи, прогоняли части ея какъ сквозъ строй, онъ по неволѣ долженъ былъ сознать, что не Французы, а Русскіе тутъ оставались побѣдителями.

Стр. 63. Кто изъ Русскихъ людей, читая описаніе послѣдняго періода кампаніи 1812 года, не испытывалъ тяжелаго чувства досады, неудовлетворительности и неясности? Кто не задавалъ себѣ вопросовъ: какъ не забрали, не уничтожили всеѣхъ Французовъ, когда всеѣ три арміи окружили ихъ въ превосходящемъ числѣ, когда разстроенные Французы, голодая и замерзая, сдавались толпами, и когда (какъ намъ рассказываетъ исторія) цѣль Русскихъ состояла именно въ томъ, чтобы остановить, отрѣзать и забрать въ плѣнъ всеѣхъ Французовъ?

Тяжелое чувство досады—какъ высказываетъ здѣсь авторъ—каждый изъ Русскихъ людей долженъ испытывать скорѣе при чтеніи пасквилей на факты громадной важности для своего отечества, а не вслѣдствіе какой-то выдуманной авторомъ неудовлетворительности и неясности описанія послѣдняго періода кампаніи 1812-го года. Да и какой болѣе удовлетворительности и ясности требуется ему, какъ тотъ небывалый въ лѣтописяхъ міра результатъ войны, которымъ изумленъ свѣтъ и спасено отечество?

Что же касается до мнимой цѣли Русскихъ, будто бы состоявшей въ томъ, „чтобы остановить и забрать въ плѣнъ всеѣхъ Французовъ“, то это здѣсь явно преувеличено, лишь для предлога еще къ болѣшему порицанію и огульному обвиненію: ибо хотя у Русскихъ при неустанномъ преслѣдованіи непріятельской арміи и было стремленіе къ тому, чтобы по возможности еще болѣе ее разстраивать, но вмѣстѣ съ тѣмъ не упускалось изъ виду какъ можно менѣе терять при этомъ своихъ солдатъ. И цѣль эта была вполнѣ достигнута Русскими, потому что изъ громадной непріятельской арміи, вторгнувшейся въ предѣлы Россіи въ Іюнь мѣсяцѣ, въ Декабрѣ едвали $\frac{1}{10}$ часть могла успѣть перебраться обратно черезъ границу, за исключеніемъ, разумѣется, Австрійцевъ и Прусаковъ, тогдашнихъ невольныхъ союзниковъ Наполеона, которые пострадали не столь жестоко, находясь въ отдѣльныхъ отрядахъ. А это ясно показываетъ, что Русскимъ вождямъ не нужно было излишне-усиленно стремиться къ тому, чтобы „за-

братъ въ плѣнъ всѣхъ Французовъ. Князь Кутузовъ очень хорошо видѣлъ, что и безъ лишнихъ усилій, всегда сопряженныхъ съ большими потерями собственнаго войска, Французамъ, при томъ отчаянномъ положеніи, въ которомъ они уже находились, невозможно было пробѣжать безъ совершенной гибели еще 600 верстъ, остававшагося имъ бѣгства до границъ.

И дѣйствительно, изъ числа успѣвшихъ ускользнуть отъ разгрома подъ Краснымъ значительная часть погибла на берегахъ Березины и въ самой рѣкѣ, съ присоединившимися къ нимъ и тѣми войсками, которыя были разбиты графомъ Витгенштейномъ; они при отчаянномъ своемъ бѣгствѣ отъ Березины до Нѣмана почти всѣ погибли отъ голода и холода, изъ чего и выходитъ, что обвиненіе авторомъ Русскихъ въ томъ, что они не забрали въ плѣнъ всѣхъ Французовъ—просто натянуто съ прибавленіемъ еще къ тому на той же страницѣ:

Какимъ образомъ то Русское войско, слабѣе числомъ Французовъ, дало Бородинское сраженіе, какимъ образомъ это войско, съ трехъ сторонъ окружавшее Французовъ и имѣвшее цѣлью ихъ забрать, не достигло своей цѣли? Неужели такое громадное преимущество передъ нами имѣютъ Французы, что мы съ превосходными силами, окруживъ, не могли побить ихъ? Какимъ образомъ это могло случиться?

Что Русскіе били и гнали Французовъ отъ самаго Тарутина до границъ, били ихъ и подъ Вязмою и подъ Краснымъ и на Березинѣ, и что какъ побѣды эти такъ и преслѣдованіе по пятамъ, совершились лишь въ теченіи шести недѣль, не взирая на то, что гнать ихъ такъ неустанно нужно было тысячу верстъ, тому неопровержимымъ удостовѣреніемъ служатъ сами факты. Факты же эти подкрѣпляются мѣсяцами, числами и тѣмъ, что уже въ началѣ Декабря Русскія передовыя войска вступали въ предѣлы Пруссіи и бывшаго Варшавскаго герцогства. А по всему этому и невозможно безъ тяжелаго чувства досады и безъ особаго удивленія читать черезъ чуръ дерзкій намекъ на то, что будто бы Французы имѣли въ то время „громадное преимущество“ надъ Русскими и что будто бы вслѣдствіе того Русскіе и не могли побить ихъ. Авторъ при ожесточенномъ своемъ нападеніи перомъ на своихъ Русскихъ задался, какъ видно, тою одною мыслию, чтобы описывать совершенно на изворотъ и въ искаженномъ смыслѣ все, что только относится къ 12-му году. Но совершившихся міровыхъ событій нельзя же ни передѣлать, ни переименовать, ни вовсе вычеркнуть изъ исторіи, какъ бы кому ни желалось пощеголять изобрѣ-

тательностью своего ума. Такъ ради чего же нужно было такъ нагло сочинять и придумывать то чего не было?

Стр. 63. Исторія та, которая называется этимъ словомъ, отвѣчая на эти вопросы, говоритъ, что это случилось оттого, что Кутузовъ и Тормозовъ и Чичаговъ и тотъ-то и тотъ-то не сдѣлали такихъ-то и такихъ-то маневровъ.

Но отъ чего они не сдѣлали всѣхъ этихъ маневровъ? Отъ чего, ежели они были виноваты въ томъ, что не достигнута была предназначавшаяся цѣль,—отъ чего ихъ не судили и не казнили?^а

Безпощадному критику военныхъ дѣйствій нельзя не знать, что вести громадную войну на обширныхъ пространствахъ и маневрировать большими массами войскъ, да еще иногда безъ необходимаго продовольствія, бороться со всякаго рода невзгодами и препятствіями, и вмѣстѣ съ тѣмъ зорко слѣдя за непріятелемъ ежечасно предъугадывать его намѣренія и согласно тому направлять движенія собственныхъ войскъ—полководцамъ далеко не такъ легко, какъ инымъ авторамъ писать не торопясь сказки, басни или романы, сидя притомъ со всевозможнымъ комфортомъ за письменнымъ столомъ и имѣя передъ глазами, вмѣсто сильнаго и хитраго непріятели, лишь бумагу и чернила, которыми и располагать по своему произволу безъ малѣйшихъ препятствій.

Не судили же и не казнили Русскихъ полководцевъ потому, что они не могли быть виноваты въ томъ, въ чемъ ихъ умышленно обвиняетъ авторъ, т. е. въ какой-то неудовлетворительности и что, предназначенная цѣль была будто бы недостигнута. Но главная цѣль Русскихъ полководцевъ состояла тогда въ томъ, чтобы еще болѣе разстроить и наконецъ и уничтожить остатокъ пятисотъ тысячной непріятельской арміи, и эта-то прямая, разумная цѣль и была достигнута вполне. Наши полководцы восторжествовали надъ врагомъ на всемъ томъ пространствѣ Русской земли, которое онъ успѣлъ временно занять, прогнали его, а въ концѣ Ноября и уничтожили его совершенно. Побѣда Русскихъ привела въ неописанный восторгъ всю Европу, которая, наконецъ, получила надежду на освобожденіе свое отъ ига, наложеннаго на нее тяжелою рукою Наполеона. Надежда эта, какъ извѣстно, не замедлила осуществиться въ 1813-й и 14-й г.г., вслѣдствіе почина и побѣдъ Русскихъ полководцевъ въ 1812-мъ году. А по всему этому ни судить ихъ, ни казнить не имѣлось ни малѣйшаго предлога. Императоръ Александръ I-й, напротивъ, удостоилъ Кутузова титуломъ свѣтлѣйшаго князя Смоленскаго и пожалованіемъ ордена Св. Георгія

1-й степени. Въсѣтъ съ тѣмъ много разныхъ наградъ получили и прочіе сподвижники. Безпристрастнымъ же, компетентнымъ и болѣе справедливымъ судьей въ столь грандіозномъ тогда дѣлѣ должно признать безъ всякаго сомнѣнія скорѣе самаго Императора, чѣмъ теперь автора романа. Сверхъ того, не судили и не казнили тогда славныхъ вождей Русской побѣдоносной арміи еще и потому, что побѣдителей не только не казнятъ, но и не судятъ. Такъ однажды произнесла Великая Екатерина. Авторъ же сочиненія, взявъ на себя никѣмъ не признанную за нимъ роль верховнаго судьи, спрашиваетъ, отъ чего не судили и не казнили Кутузова и другихъ, которые спасали отечество, истребляя окончательно силы врага. Ужъ не за это-ли именно и слѣдовало ихъ казнить по мнѣнію автора-судьи? А казалось-бы, напротивъ, было болѣе справедливымъ приговорить самаго судью, если и не къ столь жестокой карѣ, кака предначается имъ для Русскихъ полководцевъ 12-го года, то по крайней мѣрѣ къ простому замѣчанію за видимое направленіе съ примѣсю клеветы.

Стр. 64. Почему-то Русское войско, которое съ слабѣйшими силами одержало побѣду подъ Бородинымъ надъ непріателемъ во всей его силѣ, подъ Краснымъ и подъ Березиной, въ превосходныхъ силахъ было побѣждено разстроенными толпами Французовъ“.

Вся соль предъидущихъ глумленій слабѣетъ предъ послѣднимъ. Что это? Желаніе мистифицировать или дурачить своихъ читателей. Не много нужно имѣть здраваго смысла, чтобы, вникнувъ въ такое умышленное извращеніе фактовъ, не убѣдиться въ фальшивой натянутости выставить Русское войско не въ томъ, въ полномъ смыслѣ слова, побѣдоносномъ положеніи въ какомъ оно дѣствительно тогда находилось, истребляя по частямъ бѣгущихъ Французовъ, а напротивъ будто-бы побѣжденнымъ тѣми бѣгущими отъ Русскихъ Французами. Да и какъ не усмотрѣть здѣсь прямаго противорѣчія? Авторъ говоритъ, что Русское войско „побѣждено разстроенными толпами Французовъ. Но кто же привелъ ихъ въ такое разстройство, какъ не Русское войско? И кто прежнюю, сильную „великую“ Французскую армію превратилъ въ толпы, какъ не тѣ же Русскіе? Если же нѣкоторыя очень малыя части Французскихъ войскъ успѣвали ускользать отъ Русскихъ подъ Краснымъ и на Березинѣ, то, продолжая быть гонимы Русскими, всё же попадали въ ихъ руки или погибали отъ голода и холода. При томъ кто не знаетъ, что когда какое войско, окруженное или отрѣзанное непріятельскимъ войскомъ, вынуждено пробиваться съ громадными для себя потерями, какъ это было тогда съ Французами, то объ успѣвшихъ уйти можно сказать только то, что

они храбро, пожалуй и героически, бились, вслѣдствіе чего и ускользнули отъ плѣна; но уже никакъ нельзя признать за ними побѣды надъ тѣми, которые дѣйствительно ихъ разгромили, потому только, что остатки разбитыхъ войскъ спаслись на время отъ смерти или плѣна; а это, послѣ всякой самой блистательной побѣды, всегда, какъ извѣстно, было и будетъ относительно побѣжденныхъ, въ особенности когда бой оканчивается передъ наступленіемъ ночи. Сверхъ того, не странно-ли читать о побѣдѣ разстроенными толпами Французовъ, когда четыре страны назадъ самъ авторъ утверждалъ, что „тутъ какъ сквозь строй Русскихъ войскъ, проходили три дня, одна за одной, отдѣльныя части Французовъ“? Какое изумительное противорѣчіе! Но автору вѣроятно пришла охота, въ подражаніе тѣмъ Французскимъ авторамъ, которые, передъ Крымскою войною, прикинувшіеся невѣдѣніемъ о пораженіяхъ своихъ дѣдовъ Русскими въ 12-мъ году и о занятіи ими Парижа въ 1814-мъ, разсудили состряпать для бѣдшаго возбужденія вражды къ Русскимъ, нѣсколько балаганныхъ пьесъ, въ которыхъ горсти Французскихъ солдатъ побивали цѣлыя тысячи Русскихъ казаковъ, на театральныхъ подмосткахъ, не хуже того, какъ ихъ самихъ дѣйствительно трепали и истребляли нѣкогда настоящіе казаки. И Парижане, очень довольные такою иллюзіею, неистово рукоплескали. Но если Французскимъ авторамъ писать такъ для сцены съ извѣстною въ то время цѣлью, могло быть извинительно, то Русскимъ авторамъ писать подобныя вещи, съ цѣлью обезславленія своихъ, очень и очень непригоже, если не сказать чего болѣе.

Стр. 64. Если цѣль Русскихъ состояла въ томъ, чтобы отрѣзать и взять въ плѣнъ Наполеона и маршаловъ, и цѣль эта не только не была достигнута, а всѣ попытки къ достиженію этой цѣли всякій разъ были разрушены самымъ постыднымъ образомъ, то послѣдній періодъ кампаніи совершенно справедливо представляется Французами рядомъ побѣдъ и совершенно несправедливо представляется Русскими историками побѣдоноснымъ.

Русскіе военные историки, на столько, на сколько для нихъ обязательна логика, (а для самаго автора, видно, она не обязательна) невольно приходятъ къ этому заключенію; и, не смотря на лирическія возванія о мужествѣ и преданности и т. д., должны невольно признаться, что отступление Французовъ изъ Москвы есть рядъ побѣдъ Наполеона и пораженій Кутузова“.

Вотъ фразы по истинѣ принадлежащія къ числу средствъ, чисто-скептическаго пошиба, для убѣжденія въ томъ чего не было и не существовало въ дѣйствительности; но вмѣстѣ съ тѣмъ, можно прибавить: и фразы пустозвонныя. Читаешь и не вѣришь глазамъ своимъ. Возможно-ли столь нагло, рѣзко и дерзко внушать совершенно противоположное понятіе объ одномъ изъ славныхъ эпизодовъ нашей великой Отечественной войны? По прочтеніи съ изумленіемъ этихъ парадоксальныхъ выводовъ и заключеній, доведенныхъ до верха нелѣпостей, не знаешь чему болѣе удивляться, стремленію-ли низводить до ничтожества знаменательныя событія, или непреодолимому усилію внушать ученіе въ отрицаніе. И съ какою самоувѣренностью, съ какимъ самодовольствомъ говорится, что „всѣ попытки къ достиженію цѣли (Русскихъ) были разрушены самымъ постыднымъ образомъ“. Но кто же это разрушалъ попытки Русскихъ къ достиженію ихъ цѣли? И какіе это Русскіе военные историки, которые будто-бы „должны невольно признаться, что „отступленіе Французовъ изъ Москвы есть рядъ побѣдъ Наполеона и пораженій Кутузова“, то есть: что на все то, чѣмъ Русскіе, при изгнаніи непріятеля изъ отечества своего, могутъ и должны гордиться—автору напротивъ угодно указывать какъ на дѣла постыдныя для нихъ. Но во всѣхъ такихъ своеобразныхъ толкованіяхъ можно увѣрить лишь читателей очень и очень наивныхъ и ничего не смыслящихъ въ исторіи военныхъ дѣлъ. Всѣмъ-же другимъ трудно поддаться такимъ неблаговиднымъ внушеніямъ, тѣмъ болѣе, что и сами-то выводы изъ придуманной неудовлетворительности въ преслѣдованіи непріятеля видимо натянуты и ложны.

Вводя въ свое сочиненіе разные эпизоды Отечественной войны, авторъ предпочелъ описывать ихъ съ прибавленіемъ прикрасъ, какъ видно не по Русскимъ историкамъ, которыхъ онъ подозрѣваетъ во лжи, а по иностраннымъ писателямъ, росказни которыхъ не въ пользу Русскихъ ему пришлось болѣе по сердцу и по вкусу, въ томъ числѣ и г. Тьера. Но Тьеръ, описывая бѣгство изъ Россіи уменьшившейся, бывшей великой Французской арміи, какъ уважающій себя Французъ, историкъ и горячій патріотъ, могъ писать не въ пользу Русскихъ для того, чтобы хотя нѣсколько ступевать то ужасающее воображеніе бѣгство, которому подверглись его соотечественники съ Наполеономъ во главѣ. Ради чего же Русскій то писатель и историкъ новаго рода пожелалъ вторить иностранцамъ и выдумывать еще побѣды для бѣгущихъ безъ памяти ошеломленныхъ Французовъ? Вотъ что непостижимо и ничѣмъ не можетъ быть оправдано. Нельзя же, какими бы то ни было трескучими словоизверженіями, разувѣрить въ громадномъ зна-

ченіи того неопровержимаго факта, что то самое Русское войско, которое сражалось съ Французскимъ 12-го Октября еще подъ Малоярославцемъ, по совершеніи въ самое суровое время года тысяче-верстнаго преслѣдованія непріятеля, въ началѣ уже Декабря переходило границы; Французскаго же войска не существовало болѣе. Подвигъ по истинѣ изумительный. Однако читатели, привыкшіе дѣлать оцѣнку сочиненій только относительно литературнаго ихъ достоинства, а другіе готовые вѣрить всякаго рода нелѣпостямъ, не вникнувъ въ суть цѣлей автора, или пробѣжавъ на скоро тѣ курьезныя мѣста романа, на которыя здѣсь указывается, могутъ къ сожалѣнію оставить въ своей памяти лишь одно то „что послѣдній періодъ кампаніи (нашей) справедливо представляется Французами рядомъ побѣдъ и совершенно несправедливо представляется Русскими историками побѣдоноснымъ“. Автору-же, какъ полагать должно, только это и нужно. Но наглость подобнаго извращенія, переходящая за предѣлы всякаго уваженія къ истинѣ, можетъ только удивлять людей дорожащихъ ею. А самое извращеніе едва-ли можетъ считаться литературною привлекательностью. Не скрывается-ли тутъ, напротивъ, литературный махиавелизмъ?

Какъ же бывшимъ участникамъ безпримѣрнаго пораженія врага, теперь по прочтеніи столь оскорбительныхъ отзывовъ, не сдѣлать простаго вопроса? Что болѣе позорно: не достигнуть войску при очень трудныхъ обстоятельствахъ предположенной цѣли, если бы и въ самомъ дѣлѣ было такъ, или сочинять небылицы и, дѣлая изъ нихъ ложные выводы, намѣренно, самымъ постыднымъ образомъ, клеветать для возбужденія невыгоднаго мнѣнія о событіи въ своемъ отечествѣ, или другими словами, пріобрѣтенную Русскимъ войскомъ и его вождями славу—усиливаться превращать въ безславіе?

Послѣ всего сказаннаго въ обвиненіе Русскихъ, авторъ, вѣроятно желая хотя нѣсколько поумѣрить свое уже очень безцеремонное обращеніе съ правдою, и теперь, какъ будто уже въ защиту Русскихъ относительно имъ же самимъ придуманной неудовлетворительности въ преслѣдованіи непріятеля, говоритъ:

Стр. 64. „Но, оставивъ совершенно въ сторонѣ народное самолюбіе, чувствуется, что заключеніе это само въ себѣ заключаетъ противорѣчіе, такъ какъ рядъ побѣдъ Французовъ привелъ ихъ къ совершенному уничтоженію, а рядъ пораженій Русскихъ привелъ ихъ къ полному уничтоженію врага и очищенію своего отечества. Опять побѣды Французовъ и пораженія Русскихъ! Но въ этихъ бьющихъ на эффектъ ничего не доказывающихъ строкахъ, въ

этой гимнастикѣ заключеній о выводахъ, чувствуется лишь рядъ софизмовъ. Противорѣчіе же заключается въ самомъ авторѣ, то есть въ его собственныхъ измышленіяхъ. Однако онъ ищетъ объяснить это слѣдующимъ.

Источникъ этого противорѣчія лежитъ въ томъ, что историками, изучающими событія по письмамъ государей и генераловъ, по реляціямъ, рапортамъ, планамъ и т. п., предположена ложная, никогда не существовавшая цѣль послѣдняго періода войны 1812 года, цѣль будто бы состоявшая въ томъ, чтобы отрѣзать и поймать Наполеона съ маршалами и арміею⁴. Если такъ? Если авторъ, опровергая теперь самого себя, утверждаетъ, что цѣли этой никогда не существовало, то для чего же было упоминать, да еще такъ много распространяться о ней? Не для того ли только, чтобы имѣть лишній предлогъ для вывода изъ небывалой цѣли еще болѣе нелестныхъ заключеній относительно Русскихъ и для произнесенія надъ ними строгихъ приговоровъ за мнимое невыполненіе той цѣли.

Впрочемъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что главная цѣль Кутузова состояла въ томъ, чтобы (какъ уже было замѣчено) съ возможно меньшимъ изнуреніемъ своихъ войскъ стараться болѣе обезсилить и разстроить стремглавъ бѣгущаго непріятеля, напирая на него и не давая ему отдыха; посредствомъ же легучихъ отрядовъ, тревожившихъ Французовъ съ фланговъ, даже нерѣдко опережавшихъ головы ихъ колоннъ, не мудрено, что при какой либо случайности могъ попасть въ наши руки и самъ Наполеонъ или кто изъ маршаловъ, какъ это едва не произошло съ маршаломъ Неемъ подъ Краснымъ, если бы онъ, бросивъ разбитый свой корпусъ, не рѣшился, для спасенія себя лично, на отчаянный переходъ ночью черезъ Днѣпръ по очень тонкому только что образовавшемуся льду. Но все же это могло быть лишь случайно, а не въ слѣдствіе предвзятой какой цѣли. Намъ нужно было тогда только то, чтобы изъ вторгнувшихся въ Россію вражескихъ силъ выпустить обратно лишь самую ничтожную долю. А какъ эта главная цѣль Кутузова была достигнута вполнѣ, то и напрасно было такъ много толковать о мнимомъ недостиженіи несуществовавшей цѣли, лишь для предлога къ строгому обвиненію самаго Кутузова и другихъ Русскихъ генераловъ. Намекать же о судѣ и казняхъ для нихъ не слѣдовало бы еще и потому, что они, стараясь уничтожить врага, должны были вмѣстѣ съ тѣмъ думать и о наибольшемъ сбереженіи своихъ войскъ, въ предвидѣніи дальнѣйшихъ по политическимъ соображеніямъ дѣйствій съ переходомъ границы, какъ это впоследствии и оправдалось.

Нельзя не согласиться, что при веденіи этой войны сначала оборонительной, потомъ наступательной, не было вовсе какихъ либо ошибокъ или промаховъ и т. п. съ нашей стороны. Но какія же войны обходятся безъ нихъ съ обѣихъ воюющихъ сторонъ, вслѣдствіе непредвиденныхъ случайностей? При такой же можно сказать гигантской войнѣ, какою была наша Отечественная, полное отсутствіе этихъ случайностей даже немыслимо. Но тутъ главная суть дѣла не въ мнимыхъ или дѣйствительныхъ ошибкахъ, а въ исходѣ войны, въ вопросѣ, кто остался въ концѣ концовъ побѣдителемъ или побѣжденнымъ и каковъ былъ результатъ, а результатъ нашей войны былъ не дуренъ, кажется.

Стр. 65. „Весь глубокомысленный планъ о томъ, чтобы отрѣзать и поймать Наполеона съ арміею, былъ подобенъ тому плану огородника, который, выгоняя изъ огорода потоптавшую его гряды скотину, забѣжалъ бы къ воротамъ и сталъ бы по головѣ бить эту скотину. Одно, что можно бы было сказать въ оправданіе огородника, было бы то, что онъ очень разсердился“.

Такое уподобленіе плана огородника къ мнимому глубокомысленному плану поймать Наполеона и потоптанныхъ скотиною грядъ къ пострадавшей отъ Французовъ Россіи, а Французовъ къ скотинѣ, быть можетъ и остроумно, но не совсѣмъ, кажется, удачно. Даже выходить какъ-то уже очень тривиальнымъ, особенно, при обсужденіи, хотя и въ романѣ столь громкаго событія, какъ изгнаніе сильнаго непріятеля изъ родной страны. Во всякомъ случаѣ, это странное примѣненіе не послужитъ къ уменьшенію того прискорбнаго чувства, какое каждый Русскій, понявшій намѣреніе автора, долженъ былъ испытать при прочтеніи лукаво-фальшиваго вывода что будто бы „отступленіе Французовъ есть рядъ побѣдъ Наполеона и пораженій Кутузова. А какъ въ память читателей глубже врѣзываются тѣ фразы, которыя кажутся болѣе эффектными, то онѣ могутъ легко остаться въ памяти иныхъ читателей выводомъ не допускающимъ опроверженія. И это тѣмъ легче, что всякій изъ нихъ думаетъ, что онъ читаетъ не басни, а сочиненіе, въ которомъ ведется рѣчь о серьезной войнѣ и о дѣятеляхъ того времени.

Стр. 66. „Но кромѣ того, что отрѣзываніе Наполеона съ арміею было безсмысленно, оно было не возможно. Невозможно это было во первыхъ потому, что, такъ какъ изъ опыта видно, что движеніе колоннъ на пяти верстахъ въ одномъ сраженіи никогда не совпадаетъ съ планами: то вѣроятность того, чтобы Чичаговъ, Ку-

тузовъ и Витгенштейнъ сошлись во время въ назначенное мѣсто была столь ничтожна, что она равнялась невозможности.

Передъ этимъ доказывалось авторомъ существованіе того, чего въ сущности не было, то есть плана, который самъ онъ послѣ опровергалъ; теперь же доказывается будто бы невозможность того, что дѣйствительно было, т. е. невозможность совершившагося однако факта и состоящаго въ томъ, что, не смотря на громадныя разстоянія, какими въ началѣ Октября раздѣлялись наши три арміи, изъ которыхъ одна находилась тогда близъ Москвы, другая подъ Полоцкомъ, а третья вблизи границъ Варшавскаго Герцогства и не смотря на то, что каждая изъ нихъ имѣла передъ собою почти равнаго съ ними въ числѣ непріятеля, всѣ онѣ, вслѣдствіе состоявшихся предположеній, прибыли одновременно къ назначенному мѣсту, т. е. къ Борису на Березинѣ. Чичаговъ, какъ и слѣдовало, для встрѣчи гонимыхъ Кутузовымъ Французовъ, пришелъ прежде другихъ 10-го Ноября. А гр. Витгенштейнъ и авангардъ главной арміи нашей, преслѣдуя арьергардъ Французской, подошли къ Борису 14-го Ноября. Изъ сего и выходитъ, что отрицать этотъ фактъ и съ натянутою аргументаціею утверждать, что „вѣроятность того, чтобы Чичаговъ, Кутузовъ и Витгенштейнъ сошлись во время въ назначенное мѣсто, была столь ничтожна, что она равнялась невозможности“ можетъ лишь тотъ, кто рѣшился, во что бы то ни стало, рассказывать совершенно на изворотъ все что только относилось къ 1812 году.

Правда, что при этомъ произошла немаловажная ошибка со стороны Чичагова. Онъ, въ томъ предположеніи, что Наполеонъ долженъ будетъ переправлять остатокъ своихъ армій черезъ Березину, по теченію ея ниже Борисова, двинулся 13-го Ноября къ Бабиновичамъ, тогда какъ Наполеонъ, дошедши вечеромъ того дня до Борисова, повернулъ напротивъ вверхъ по Березинѣ къ Студянкѣ, черезъ что и получилъ возможность начать устраивать мосты для переправы. Но въ тѣ дни, когда обѣ стороны старались перехитрить и обмануть одна другую, очень легко было, думая сдѣлать лучше, попасть въ ошибку; а потому и трудно обвинять въ томъ Чичагова излишне строго.

Во всякомъ случаѣ такая ошибка помогла Наполеону лишь въ томъ, что онъ успѣлъ переправить черезъ Березину нѣсколько болѣе войска, противъ того какъ это могло быть, если бы 13-го и 14-го Ноября противъ переправы Французовъ, вмѣсто незначительнаго нашего отряда, находилась бы вся армія Чичагова; потому что при отчаянномъ напорѣ 60 т. Французской арміи, составившейся тогда у Наполеона отъ присоединенія къ нему войскъ маршаловъ Сень-Сира и Виктора,

преслѣдуемыхъ графомъ Витгенштейномъ, не могло бы обойтись безъ очень значительныхъ и излишнихъ потерь и съ нашей стороны, въ особенности при весьма невыгодной низменной болотистой и лѣсомъ покрытой мѣстности праваго берега Березины, какъ это отчасти и пришлось испытать 16-го числа, по возвращеніи Чичагова отъ Бабиновичей. Однако, не смотря на позднее прибытіе Чичагова къ этому мѣсту, не всё же Французы успѣли перейти Березину; немалая часть ихъ погибла въ бою того дня на обѣихъ сторонахъ рѣки и въ самой рѣкѣ, когда артилерія гр. Витгенштейна съ лѣвого уже, возвышеннаго берега рѣки, стала громить по мостамъ и по бѣгущимъ черезъ нихъ Французамъ. Сверхъ того, болѣе 20 т. осталось у насъ при этомъ въ плѣну съ орудіями и громаднѣйшимъ обозомъ, какъ это видно изъ показаній всѣхъ писавшихъ о той войнѣ. Таже часть Французской арміи, которая успѣла перебраться черезъ рѣку, тоже за исключеніемъ самаго Наполеона, нѣсколькихъ генераловъ и частички полузамерзшихъ солдатъ, не избѣгла совершенной гибели при бѣгствѣ своемъ по направленію къ Вильнѣ. Кто изъ насъ, тогдашнихъ свидѣтелей, не помнитъ живо той неимовѣрной и ужасавшей насъ картины, какая представлялась глазамъ нашимъ по всей большой дорогѣ отъ Березины къ Вильнѣ. При наступившихъ сильныхъ морозахъ, Французы, не имѣвшіе не только теплой, но и лѣтней порядочной одежды, гибли тысячами ежедневно. Вся эта дорога была, можно сказать, устлана замерзшими трупами, лежавшими въ тѣхъ разнообразныхъ положеніяхъ, въ какихъ застигала ихъ смерть при послѣднихъ минутахъ жизни, той страдальческой жизни, которая поддерживалась подъ конецъ ѣдою лишь мяса павшихъ лошадей и, страшно сказать, мясомъ замерзшихъ товарищей. При каждомъ малѣйшемъ пригоркѣ по дорогѣ стояло нѣсколько брошенныхъ пушекъ, и около нихъ кучки людскихъ труповъ при такой же кучкѣ полубѣдненныхъ лошадей. Это я пишу какъ очевидецъ. Но для большаго убѣжденія въ томъ истинно-бѣдственномъ и безвыходномъ положеніи, въ какомъ находились тогда Французы, стоитъ обратиться къ любому описанію даже иностранцевъ, даже самихъ Французовъ объ этомъ пагубномъ для нихъ выпровожденіи изъ Россіи, которое однако Русскому сочинителю угодно назвать побѣдою Французовъ.

Въ самой Вильнѣ было захвачено отъ 15 до 20 т. человекъ Французовъ уже смердѣвшихъ отъ пораженныхъ гниlostью внутренностей. Мнѣ пришлось два раза стоять со взводомъ въ караулѣ у какого-то опустѣвшаго монастыря, внутренній дворъ котораго былъ со всѣхъ сторонъ окруженъ двухъ и трехъ-этажными строеніями. Онѣ были назначены для помѣщенія плѣнныхъ и были ими переполнены.

Не могу и теперь безъ омерзения припомнить себѣ, въ какомъ отвратительно-грязномъ и болѣзненно-предсмертномъ положеніи я ихъ видѣлъ тогда, лежавшихъ или сидѣвшихъ на полу, въ перемѣжку съ умершими уже товарищами. Даже для получения своей доли изъ сухарей, присланныхъ для утоленія ихъ голода, большая часть изъ нихъ не могла подняться вслѣдствіе чего разноскою изъ сухарей должны были заняться караульные. Отупѣлыя, исхудалыя лица плѣнныхъ, помутившіеся впалые глаза ихъ, а у многихъ, кромѣ ранъ и язвъ, еще отмороженные члены, у кого рука, у кого нога, указывали прямо на то, что всѣмъ имъ оставалось уже недолго жить или лучше сказать—страдать. По всей вѣроятности ни одному изъ нихъ не посчастливилось узрѣть вновь свою belle France.

Наконецъ, болѣе пяти тысячъ Французовъ было взято казаками изъ послѣднихъ, старавшихся еще добрести отъ Вильны до Ковны. Неопровержимымъ же свидѣтельствомъ рѣшительному тогда уничтоженію Французской арміи можетъ еще служить донесеніе Бертье изъ Ковны ускакавшему уже Наполеону; заканчивалось слѣдующими словами: „нельзя удерживаться въ Ковнѣ, потому что арміи болѣе не существуетъ“.

Вся же артиллерія бывшей великой арміи, болѣе 900 орудій, осталась въ Россіи.

И вотъ такое-то рѣшительное, по истинѣ достойное удивленія пораженіе полумилліонной арміи, вторгнувшейся въ Россію подъ предводительствомъ военнаго гения, не бывшаго до того времени никѣмъ побѣжденнымъ, стремятся теперь выказать подвигомъ неудовлетворительнымъ. Для какихъ цѣлей понадобилась эта инсинуація?

Стр. 66. „Въ третьихъ, не возможно это было потому, что военное слово отрѣзать не имѣетъ никакого смысла. Отрѣзать можно кусокъ хлѣба, но не армію. Отрѣзать армію, перегородить ей дорогу, никакъ нельзя, ибо мѣста кругомъ всегда много, гдѣ можно обойти и есть ночь, во время которой ничего не видно, въ чемъ могли бы убѣдиться военные ученые хоть изъ примѣровъ Краснаго и Березины“.

Съ такимъ новаго рода толкованіемъ о военномъ словѣ отрѣзать едвали могутъ согласиться люди, принимавшіе участіе въ какойнибудь войнѣ. Напротивъ, изъ высказаннаго авторомъ и должно придти къ тому убѣжденію, что какъ арміямъ, такъ и частямъ ея, очень можно перегородивать дорогу и отрѣзывать ихъ одну отъ другой. Русскими полководцами, и именно подъ Краснымъ и на Березинѣ, это и доказано было на самомъ дѣлѣ.

А какъ бы назвалъ авторъ, напримѣръ, положеніе Базена въ послѣднюю войну 1870 года послѣ сраженій Марсь-Лагурскаго и Гравелотскаго? Неужели онъ не былъ отрѣзанъ съ 150 т. арміею отъ другой численностью въ 100 т., которая тоже не была допущена къ соединенію съ Мецкою арміею и по кровопролитномъ сраженіи у Седана, припертая къ Бельгійской границѣ, вынуждена была сдаться Нѣмцамъ? Потомъ, какимъ словомъ назвать какъ не отрѣзкою отъ всѣхъ сообщений Парижскую армію, когда Парижъ былъ обложенъ желѣзнымъ кольцомъ Нѣмцевъ; и не вслѣдствіе-ли того Парижъ и армія должны были такъ же сдаться при весьма горькихъ условіяхъ для Франціи, а передъ тѣмъ и 150 т. Мецкая армія съ Мецкою крѣпостью вслѣдствіе такой-же отрѣзки? И всѣ такія громадныя сдачи войскъ совершались не смотря на то, что у каждой изъ этихъ армій было, какъ говоритъ авторъ, и „мѣста кругомъ много, гдѣ можно обойти и есть ночь, во время которой ничего не видно“. Не ясно-ли однако, что не только малые отряды, но даже и большія арміи могутъ, вопреки аргументаціи автора, быть отрѣзаны и дѣйствительно отрѣзывались.

Стр. 66. „Взять же въ плѣнъ никакъ нельзя безъ того, чтобы тотъ, кого берутъ въ плѣнъ, на это не согласился, какъ нельзя поймать ласточку, хотя и можно взять ее, когда она сядетъ на руку“.

Несмотря на остроумно придуманный, примѣръ этотъ далеко невѣренъ. Забирая въ плѣнъ во время боя или схватки какой, не спрашиваютъ (да и нѣкогда церемониться спрашивая) согласія у каждаго. Массами-же, науримѣръ, цѣлыми арміями или крѣпостями, хотя и сдаются иногда по согласію главныхъ начальниковъ, но все же, какъ извѣстно изъ многихъ примѣровъ, по согласію вынужденному, въ особенности когда главными побудительными къ тому причинами служатъ отрѣзка и голодъ.

Взять въ плѣнъ можно того, кто сдается какъ Нѣмцы по правиламъ стратегіи и тактики. Но Французскія войска совершенно справедливо не находили этого удобнымъ, такъ какъ одинаковая голодная и холодная смерть ожидала ихъ на бѣгствѣ и въ плѣну.

Ироническій намекъ на стратегію и тактику Нѣмцевъ подвернулся тутъ очень не кстати и вклеенъ непредусмотрительно. Должно думать, что если-бы автору пришлось издавать это сочиненіе не прежде, а послѣ 1870 года, то, по всѣмъ вѣроятіямъ, онъ поостерегся-бы отнестись столь оригинально и презрительно къ самимъ Нѣмцамъ съ ихъ правилами стратегіи и тактики. Нѣмцы въ 1870-мъ году доказали

на дѣлѣ, къ чему правила эти могутъ быть пригодны, и что не они, Нѣмцы, по правиламъ этихъ наукъ сдавались сотнями тысячъ солдатъ, а напротивъ, такими громадными массами вынуждены были сдаваться Французы, хотя они тогда могли находить еще болѣе „справедливымъ и болѣе удобнымъ не сдаваться“, чѣмъ это могло быть для нихъ въ 1812-мъ году при бѣгствѣ ихъ изъ Россіи, какъ пишетъ авторъ. А при завершеііи кампаніи 1812 года всѣхъ плѣнныхъ изъ Французской арміи, вошедшей въ Россію, осталось въ ней до 200 т. человекъ.

Стр. 67. „Объ этомъ-то періодѣ кампаніи намъ рассказываютъ историки, какъ Милорадовичъ долженъ былъ сдѣлать фланговый маршъ туда-то, а Тормасовъ туда-то, и какъ Чичаговъ долженъ былъ передвинуться туда-то (передвинуться выше колѣна въ снѣгу) и какъ тотъ опрокинулъ и отрѣзалъ и т. д. и т. д.“

Не странно-ли упрекать историковъ въ томъ, что они описывали событія того времени безпристрастно и по возможности вѣрно, руководствуясь лишь тѣмъ, чему сами были очевидцами или тѣми свѣдѣніями, какія могли почерпнуть изъ наиболѣе вѣрныхъ бумагъ и актовъ, исключая изъ нихъ разумѣется все то, что не соотвѣтствовало истинѣ. Если-же, напротивъ, писатель, поддавшись какому-либо враждебному чувству къ описываемому имъ времени, станетъ съ агитационною какою цѣлью или съ простымъ желаніемъ обойти правду, изукрашать свои рассказы плодами собственной фантазіи, то съ пера его сольется уже не исторія, а сказка, фабула, какъ это и доказывается самимъ сочиненіемъ „Война и Мирь“.

Стр. 67. „Русскіе, умиравшіе на половину, сдѣлали все, что можно „сдѣлать для достиженія достойной награды цѣли“.

Послѣ такой неожиданной похвалы Русскимъ того времени, авторъ тутъ-же спѣшитъ прибавить, что они:

„И не виноваты въ томъ, что другіе Русскіе люди, сидѣвшіе въ теплыхъ комнатахъ, предполагали сдѣлать то, что было невозможно“.

На какихъ это другихъ Русскихъ людей, сидѣвшихъ тогда въ теплыхъ комнатахъ, намекаетъ авторъ? И что такое предполагалось ими сдѣлать что было бы невозможно? Невозможнаго ничего не предполагалось. А предполагалось выполнить, правда, дѣло очень и очень трудное, но благодаря неутомимому рвенію Русскихъ генераловъ и тому духу, какимъ одушевлено было наше войско, дѣло это оказалось не только возможнымъ, но рѣшительнымъ уничтоженіемъ врага

и совершившимся фактомъ. Правда, что и у насъ тогда, неустанно гнавшихъ Французовъ, вслѣдствіе неразлучнаго въ такихъ случаяхъ недостатка въ продовольствіи, суроваго времени года и очень усиленныхъ переходовъ, тоже было немало пострадавшихъ и много людей заболѣвало, отставало и гибло; но какія-же побѣды, въ особенности столь значительныя, одерживаются безъ большихъ жертвъ? За всѣмъ тѣмъ однако, какъ видно изъ рапорта Государю по прибытіи его въ Вильну 11-го Декабря, помѣщеннаго въ описаніи Отечественной войны Михайловскимъ Данилевскимъ (4-й), Русскаго войска числилось еще подъ ружьемъ, пѣхоты, кавалеріи и артилерій до 86 т. человѣкъ; но въ рапортъ тотъ разные корпуса и отряды, въ томъ числѣ авангардъ Милорадовича, состоявшій изъ двухъ корпусовъ пѣхоты и двухъ кавалерійскихъ, не могли войти потому, что за отдаленностью не было получено свѣдѣній къ тому дню.

Стр. 67. Все это странное непонятное теперь противорѣчіе факта съ описаніемъ исторіи происходитъ только отъ того, что историки, писавшіе объ этомъ событіи, писали исторію прекрасныхъ чувствъ и словъ разныхъ генераловъ, а не исторію событій.

Въ чемъ же состоитъ это придуманное здѣсь противорѣчіе? Въ невѣрномъ или пристрастномъ, по мнѣнію автора, описаніи историками Отечественной войны? Но событія того времени описывали не одни Русскіе, а многіе изъ иностранныхъ писателей, въ томъ числѣ и сами Французы, которые хотя и не могли вѣроятно имѣть малѣйшаго понятія о „прекрасныхъ чувствахъ и словахъ“ Русскихъ генераловъ, однако за одно съ Русскими писателями, единогласно, свидѣтельствовали о совершившемся фактѣ рѣшительной гибели полумилліонной арміи Наполеона, вторгнувшей въ Россію. Въ чемъ же, повторимъ, нашель авторъ противорѣчіе? Не прикажетъ ли онъ историкамъ слѣдовать его методѣ повѣствованія о важныхъ событіяхъ въ своемъ отечествѣ, то есть при возможныхъ придирикахъ, все и вся топтать въ грязь, а читателямъ не посовѣтуеть-ли онъ вѣрить болѣе его сказкамъ о 1812-мъ годѣ, чѣмъ настоящей исторіи, основанной на сказаніяхъ современниковъ и на неопровержимыхъ документахъ?

Стр. 68. „Цѣль народа была одна: очистить свою землю отъ нашествія. Цѣль эта достигалась во первыхъ сама собою, такъ какъ Французы бѣжали, и потому слѣдовало только не останавливать это движеніе.

Но Французы бѣжали потому, что Русскіе, сумѣвшіе продержатъ ихъ въ Москвѣ и около Москвы, до того времени, какъ это было нужно, начали сами наступательное движеніе и, сдвинувъ съ мѣста

заставили ихъ бѣжать. Когда-же Французы побѣжали, то не только „слѣдовало не останавливать это движеніе“, но напротивъ слѣдовало ихъ гнать и гнать неустанно, какъ это и было исполнено. Иначе Французы, не тревожимые и не преслѣдуемые Русскими со всею энергіею, могли-бы уходить не торопясь, да пожалуй остались бы еще и зимовать въ Россіи, выбравъ себѣ для этого одну изъ губерній, которая показалась-бы имъ болѣе для того удобною.

Во всѣхъ послѣднихъ выпискахъ явное противорѣчіе самого автора всему тому, что говорилось имъ же самимъ нѣсколько страницъ назадъ. Тамъ онъ укорялъ, даже каралъ Русскихъ своимъ неистовымъ негодованіемъ за то, что будто-бы преслѣдованіе было неудовлетворительно, а здѣсь укоряетъ въ томъ, что они напрасно очень сильно напирали на Французовъ, забывая при этомъ упрекъ, что побѣдитель на войнѣ обязанъ всѣми силами пользоваться пріобрѣтенными успѣхами надъ противникомъ, въ видахъ достиженія самыхъ блестящихъ по возможности результатовъ.

Стр. 68. „Русская армія должна была дѣйствовать какъ кнутъ на бѣгущее животное. И опытный погонщикъ зналъ, что самое выгодное держать кнутъ поднятымъ, угрожая имъ, а не по головѣ стегать бѣгущее животное“.

Какая художественная картина рисуется здѣсь?

Однако авторъ рѣшился наконецъ (хотя какъ видно и не очень охотно) сказать нѣсколько благоволительныхъ словъ на счетъ главнокомандующаго Русскими арміями.

Стр. 80. „Вся дѣятельность Кутузова, какъ это было подъ Тарутинымъ и подъ Вязьмой, была направлена только къ тому, чтобы—насколько это было въ его власти—не останавливать этого гибельнаго для Французовъ движенія, а содѣйствовать ему и облегчить движеніе своихъ войскъ.“

Стр. 81. Кутузовъ зналъ не умомъ или наукой, а всѣмъ Русскимъ существомъ своимъ, зналъ и чувствовалъ то, что чувствовалъ каждый Русскій солдатъ, что Французы побѣждены, что враги бѣгутъ, и надо выпроводить ихъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чувствовалъ, за одно съ солдатами, всю тяжесть этого неслыханнаго побыстротѣ и времени года похода.

Наконецъ, авторъ сознаетъ, что Французы побѣждены были Русскими, но сказано это какъ-будто мимоходомъ.

Продолжая-же разсказъ, онъ не упускаетъ случая потрунить надъ Милорадовичемъ. надъ этимъ, хотя и не безъ нѣкоторыхъ странностей, но по истинѣ боевымъ рыцаремъ и однимъ изъ болѣе видныхъ дѣятелей Отечественной войны.

Стр. 82. „Милорадовичъ, который говорилъ, что онъ знать ничего не хочетъ о хозяйственныхъ дѣлахъ отряда, котораго никогда нельзя было найти, когда его было нужно, *chevalier sans peur et sans reproche*, какъ онъ самъ себя называлъ, и охотникъ до разговоровъ съ Французами, посылалъ парламентаровъ, требуя сдачи, терялъ время и дѣлалъ не то, что ему приказывали“.

Вотъ довольно оригинальная, но очень невѣрная, оцѣнка сподвижнику Суворова, а въ 12-мъ году главному начальнику, сперва арьергарда, а потомъ авангарда Русской арміи, гдѣ онъ и находился почти ежедневно въ непрерывномъ огнѣ подъ ядрами и градомъ пуль, и тутъ-то именно всегда и можно было его найти, вопреки показанію автора. Но ядры и пули какъ-то щадили его; онъ убивали лишь лошадей подъ нимъ и прострѣливали только его одежду. Лишиться-же жизни ему суждено было уже не на ратномъ какомъ полѣ, а 14-го Декабря 1825 года на Петровской площади столицы ввѣренной его генералъ-губернаторству, и отъ пули не виѣшняго какого врага, а отъ посланной рукою одного изъ враговъ внутренняго спокойствія Россіи.

Не странно-ли однако, начальника авангарда, находящагося въ непрерывномъ столкновеніи съ арьергардомъ непріятеля, насмѣшливо упрекать въ томъ, что онъ посылалъ иногда парламентаровъ и требовалъ у разстроеннаго непріятеля сдачи. А еще смѣшнѣе обвинять Милорадовича въ томъ, что онъ будто бы терялъ время, тогда какъ, напротивъ, дѣятельность его во время войны была неутомимая, какъ это всѣмъ намъ было извѣстно. Относительно-же быстроты передвиженія ввѣрившихся ему войскъ, которыя дѣлали иногда отъ 50 до 55 верстъ въ сутки (какъ это на примѣръ было исполнено отъ Воронова къ Малоярославу) можно только удивляться. Нѣтъ: ни глумленіе автора, ни иронія его, не въ состояніи помрачить память графа Милорадовича. Еще недавно, по случаю истекшаго столѣтія отъ дня его рожденія, на панихидѣ въ Невской Лаврѣ, память его была почтена присутствіемъ Государя Императора съ сыновьями. Уже одно это ясно указываетъ на то, что графъ Милорадовичъ, при пораженіи въ Россіи Французскихъ войскъ, былъ однимъ изъ тѣхъ главныхъ дѣятелей, которые способствовали къ тому. Онъ былъ душою своихъ солдатъ, и армія наша всегда имъ гордилась. А по этому не мѣшало-бы вмѣсто всѣхъ этихъ діатрибъ отнести къ личности гр. Милорадовича съ

нѣкоторою сдержанностью, требующею уважать по достоинству ближнихъ, чтобы не лишиться уваженія къ самому себѣ. Правда, у Милорадовича были своего рода странности, но кто болѣе или менѣе ихъ не имѣетъ? И Суворовъ, нашъ родной Русскій военный геній, тоже не былъ чуждъ даже и очень рѣзкихъ странностей, а все-же былъ мужъ великихъ дѣлъ.

Въ слѣдующей выпискѣ, авторъ тоже довольно не къ стати подсмѣиваетъ и надъ Русскою кавалеріею.

Стр. 83. „Дарю вамъ, ребята, эту колонну, говорилъ онъ (Милорадовичъ), подѣзжая къ войскамъ и указывая кавалеристамъ на Французовъ. И кавалеристы на еле двигающихся лошадяхъ, подгоняя ихъ шпорами и саблями, рысцей, послѣ сильныхъ напряженій, подѣзжали къ подаренной колоннѣ, т. е. къ толпѣ обмороженныхъ, заоченѣвшихъ и голодныхъ Французовъ, и подаренная колонна сдавалась“.

Автору, вѣрному самому себѣ въ предвзятомъ направленіи и въ тонѣ разсказа, понадобилось, какъ видно и здѣсь для потѣхи иныхъ читателей, изобразить Русскихъ кавалеристовъ тѣхъ дней какими-то достойными смѣха рыцарями печальнаго образа. И вотъ онъ, какъ истый художникъ, самодовольно пишетъ картину, по которой читатель могъ-бы живо представить себѣ, какъ Русскіе Донкишоты того времени, вмѣсто вѣтренныхъ мельницъ, нападаютъ на заоченѣвшихъ Французовъ. Читатели, готовые посмѣяться надъ чѣмъ бы то ни было, а тѣмъ скорѣе вмѣстѣ съ авторомъ надъ своими же Русскими, быть можетъ, и довольны такими выходками; но хорошее-ли дѣло писать не совсѣмъ вѣрныя картины съ карикатурнымъ пошибомъ и тѣмъ болѣе невѣрныя, потому что въ сущности гр. Милорадовичъ сдѣлалъ однажды такой оригинальный подарокъ подъ Краснымъ не кавалерійскому, а пѣхотному полку, и именно Павловскому. Хорошо-ли, для удовлетворенія своего негодованія, издѣваться надъ одною частью тѣхъ побѣдоносныхъ войскъ, которыя въ эти дни погрома взяли у непріятели до 26 т. въ плѣнъ, въ томъ числѣ шесть генераловъ и отбили 116 орудій, не говоря уже о громадномъ числѣ убитыхъ; но авторъ объ этомъ столь значительномъ событіи, ради уменьшенія его значенія, иронически пишетъ такъ:

Стр. 83. Подъ Краснымъ взяли 26 т. плѣнныхъ, сотни пушекъ, какую-то палку, которую называли маршальскимъ жезломъ и спорили о томъ, кто тамъ отличился, и были этимъ довольны, но очень сожалѣли о томъ, что не взяли Наполеона, или хоть какаго нибудь героя-

маршала и упрекали въ этомъ другъ друга и въ особенности Кутузова.

Люди эти, увлекаемые своими страстями, были слѣпыми исполнителями, только самаго печальнаго закона необходимости.

Не увлекается-ли скорѣе здѣсь самъ авторъ своими собственными страстями, при особомъ усилии, убѣдить въ томъ, что Русскіе дѣятели и вожди 12-го года сами по себѣ будто-бы ничего хорошаго не сдѣлали и что имъ за ихъ напряженныя усилія и труды не слѣдуетъ приписывать мнимо заслуженной славы, потому что они при этомъ „были слѣпыми исполнителями только самаго печальнаго закона необходимости“. И если столь знаменательная эпоха закончилась торжествомъ для Россіи, такъ это лишь потому, что такъ должно было случиться, по Русской видно поговоркѣ: „чему быть, того не миновать“.

„Но они считали себя героями и воображали, что то, что они дѣлали, было самое достойное и благородное дѣло“.

Изъ прямого смысла этихъ строкъ выходитъ, что тогдашніе Русскіе вожди ужъ черезъ чуръ наивно воображали, что дѣйствовали будто-бы самымъ достойнымъ и благороднымъ образомъ, стремясь со всевозможными усиліями къ уничтоженію врага, для спасенія отечества. Но неужели могло быть дѣломъ болѣе достойнымъ и благороднымъ, еслибы вожди наши отказались дѣлать то, что они дѣлали? Неужели придумывать въ романѣ оскорбленія труженикамъ той войны, глумиться надъ ними, и направлять пониманіе читателей въ дурную сторону относительно тяжелой для отечества эпохи, какъ вы дѣлаете. есть, по вашему мнѣнію, дѣло, болѣе достойное и болѣе благородное? Вотъ до чего можетъ доходить ученіе отрицанія!

„Они обвиняли Кутузова и говорили, что онъ съ самаго начала кампаніи мѣшалъ имъ побѣдить Наполеона“.

Значить, Наполеонъ не былъ побѣжденъ!

Что онъ подѣ Краснымъ остановилъ движеніе потому что, узнавъ о присутствіи Наполеона, онъ совершенно потерялся, что можно предполагать, что онъ находится въ заговорѣ съ Наполеономъ, что онъ подкупленъ имъ, и т. д., и т. д.

Остановки движенія подѣ Краснымъ не было никакой. Это доказывается фактами и числами четырехъ-дневнаго по частямъ пораженія Французовъ. Да и весь прочій вздоръ относительно Кутузова почер-

пнуть изъ записокъ Вильсона. Но мало-ли что могъ писать Вильсонъ изъ зависти или по недоброжелательству къ Русскимъ? Для чего-же автору-то повторять это коварное пустословіе, какъ бы въ подтвержденіе собственно своего мнѣнія; а доказывается это тѣмъ, что на всю эту чушь онъ не только не сдѣлалъ какого-либо замѣчанія или опроверженія, но еще продолжаетъ такъ:

„Мало того, что современники, увлекаемые страстями, говорили такъ, потомство и исторія признали Наполеона grand, а Кутузова—иностранцы—хитрымъ, развратнымъ, слабымъ придворнымъ старикомъ; Русскіе—чѣмъ-то неопредѣленнымъ, какой-то куклою, полезною только по своему Русскому имени...“

Неестное сужденіе иностранцевъ о Кутузовѣ и то, что Русскіе будто-бы признали его какою то куклою, высказаны здѣсь, какъ видно, для возбужденія еще болѣе дурнаго о немъ мнѣнія, а нѣсколько точекъ за словами „Русскаго имени“ поставлены вѣроятно для того, чтобы читатели ломали головы при усиліяхъ разгадать этотъ своего рода ребусъ, т. е. проникнуть въ то, что, при мрачномъ своемъ взглядѣ на людей эпохи, авторъ хотѣлъ прибавить. Но, послѣ черезчуръ уже дерзкаго опредѣленія личности Кутузова, какое высказано выше, трудно, кажется, придумать еще что нибудь въ не пользу его. Пусть однако иностранцы, въ особенности Французы, не будутъ признавать Кутузовъ, какъ Наполеона, grand; но для Русскихъ, для Русской исторіи, Кутузовъ навсегда остался мужемъ великимъ, который не смотря на нѣкоторыя, быть можетъ, недостатки, болѣе или менѣе свойственные всѣмъ смертнымъ, все же, своими способностями, характеромъ и умомъ, неоспоримо послужилъ къ спасенію отечества. А такого рода дѣло, (какъ кто хитросплетенно ни толкуй, какъ кто ни усиливайся унижать того, кто исполнилъ это великое дѣло) всегда, въ глазахъ людей безпристрастныхъ будетъ неизмѣримо выше того дѣла Наполеона grand, которое сгубило Францію.

Стр. 84. „Въ 12 и 13 годахъ Кутузова прямо обвиняли за ошибки. Государь былъ недоволенъ имъ.“

Ошибка Чичагова на Березинѣ не могла быть поводомъ къ неудовольствію Государя на Кутузова. Она могла очень легко произойти вслѣдствіе излишней осторожности или предусмотрительности какъ самаго главнокомандующаго, такъ и Чичагова, относительно того предположенія, что Наполеонъ, дошедши до Березины, могъ внезапно броситься къ Югу или, поворотивъ на Сѣверъ, обрушиться всѣми оставшимися у него силами на гр. Витгенштейна. Помимо-же этой ошибки, трудно предположить, чтобы Государь былъ недоволенъ столь велики-

ми успѣхами вообще, такого неимовѣрнаго преслѣдованія исполненнаго Русскими войсками свыше человѣческихъ силъ.

Значительныя награды, какими былъ удостоенъ и самъ Кутузовъ, а по представленію его и всѣ другіе генералы, достаточно указываютъ на то, что Государь скорѣе былъ очень доволенъ, чѣмъ недоволенъ такимъ безпримѣрнымъ закончаніемъ войны 12-го года. Въ теченіе же первыхъ трехъ мѣсяцевъ 1813-го года, Кутузовъ былъ только исполнителемъ распоряженій и приказаній Государя, находившагося лично при войскахъ перешедшихъ границу и дошедшихъ до Дрездена и Берлина въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ.

Понятно, что историкамъ по профессіи, обладающимъ всевозможными бумагами, документами и переписками относящимися къ тому времени, можно лучше знать и судить о степени неудовольствія Государя на Кутузова въ то время; но и я съ своей стороны дозволю себѣ сказать нѣсколько словъ о томъ, что мнѣ тогда въ чинѣ лишь поручика довелось видѣть и что у меня осталось въ памяти по этому предмету. Знаю, что мелкое показаніе мое не можетъ послужить какимъ-либо серьезнымъ опроверженіемъ, но такъ какъ относительно какого періода историческаго времени, въ особенности такого, какимъ былъ 12-й годъ, люди дорожащіе правдою не пренебрегаютъ иногда и маловажными случаями или показаніями, то думаю не лишнимъ будетъ заявить здѣсь и свое.

Государь Александръ Павловичъ, какъ извѣстно, прибылъ къ арміи въ Вильну 10-го Декабря, а 12-го числа, т. е. въ день рожденія его*), князь Кутузовъ давалъ балъ. Но какъ балъ безъ танцоровъ не мыслимъ, по малому-же числу тогда въ Вильнѣ молодыхъ людей, довольно трудно было ихъ набербовать для этой своего рода службы въ тѣ дни, то въ числѣ немногихъ офицеровъ нашего полка, сохранившихъ, несмотря на долгую бивуачную жизнь еще нѣкоторую свѣжесть шитья на воротникахъ запасныхъ своихъ мундировъ, случалось и мнѣ быть на этомъ балу. И здѣсь-то, съ самаго пріѣзда Государя на балъ, въ продолженіи всего вечера, я очень близко и хорошо видѣлъ его особенное благоволеніе къ князю Кутузову. Неужели это было только по наружности? Нѣтъ, нельзя было не замѣтить того непритворнаго внутренняго удовольствія, которымъ озарялись тогда прекрасныя черты Государя въ противоположность грустнаго настроенія, какое выражалось на челѣ его въ Іюнѣ при отступленіи отъ Свенціанъ, чего намъ (офицерамъ Преображенскаго полка выдавшимъ его на переходахъ почти ежедневно) нельзя было не замѣчать.

*) На стр. 180 т. V-ый „Войны и Мира“, день рожденія Государя ошибочно показанъ 30-го Августа.

Балъ по тогдашнему исключительному времени и положенію города Вильны, не могъ разумѣться быть многолюденъ. Мужчины все болѣе изъ военныхъ генераловъ, но, въ весьма маломъ числѣ, потому что другіе, почти все находились при тѣхъ войскахъ, которыя успѣли уже перейти или переходили тогда Прусскія и Польскія границы.— Потомъ, нѣсколько флигель-адъютантовъ да нашей братіи офицеровъ десятка два. Словомъ балъ этотъ походилъ болѣе на частный танцевальный вечеръ. Дамы же всё польки не успѣвшія еще отрѣшиться отъ тѣхъ несбывшихся надеждъ, какими волновались онѣ не болѣе двухъ-трехъ недѣль назадъ, да и число ихъ, едвали превышало двадцать или тридцать. Надо было видѣть ихъ смущеніе и даже трепеть, при входѣ Государя въ балную залу и лица ихъ нѣсколько разцвѣли лишь тогда, какъ Государю угодно было начать разговоръ съ нѣкоторыми изъ нихъ.

Помѣщеніе для бала, было тоже не обширное. Оно состояло только изъ небольшого зала, въ которомъ танцевали, изъ гостинной средней величины и за нею еще небольшой комнаты. Музыканты стояли въ проходной между переднею и заломъ, а налѣво изъ зала комната, дверь, въ которую была притворена. Но раза два или три въ продолженіи вечера отворялась для входа въ ту комнату Государя съ княземъ Кутузовымъ. И каждый разъ, пробывъ тамъ нѣкоторое время, Государь выходилъ изъ нея съ тою обворожительною улыбкою, когда бывалъ доволенъ и веселъ.

Впослѣдствіи мнѣ еще разъ случилось видѣть, какъ благосклонно и очень милостиво обращался Государь съ княземъ Кутузовымъ. По вступленіи нашихъ войскъ въ Силезію, однажды въ половинѣ Марта, главная квартира назначена была (помнится) въ Трахенбергъ, вблизи котораго находилась очень хорошая мыза, отведенная для Государя. На другой день была дневка, и мнѣ со взводомъ одной роты полка привелось быть въ караулѣ у квартиры Государя. Домъ переднимъ фасадомъ выходилъ въ садъ, а заднимъ на дворъ, гдѣ люди караула у самага дома и поставили ружья въ козлы. Часу въ шестомъ пополудни Государь вышелъ изъ дому въ сюртукъ, въ фуражкѣ и даже, сколько помнится, безъ шпаги, и мимо стоявшаго въ ружьѣ караула прошелъ черезъ весь дворъ въ другой садъ. Черезъ полчаса, къ воротамъ двора подъѣхала коляска, изъ которой вышелъ кн. Кутузовъ въ сопровожденіи одного адъютанта. Подойдя къ караулу, вновь ставшему въ ружье и поздороваясь съ людьми, онъ спросилъ у меня, куда пройти къ Государю. Когда-же узналъ, что Государь въ саду, на который я обратилъ его вниманіе, то, сказалъ: ну я здѣсь подожду, сѣлъ на скамейку стоявшую у крыльца и, подозвавъ вдалекѣ стоявшую дѣвочку лѣтъ тринадцати

началъ шутить съ нею. Вскорѣ показался выходящій изъ сада Государь. Онъ шелъ довольно тихо, но лишь только замѣтилъ встававшаго и пошедшаго къ нему навстрѣчу Кутузова, то въ ту же минуту ускорилъ шагъ. Когда-же сошелся съ нимъ, то совершенно по дружески и съ улыбкою взялъ его обѣ руки въ свои. Кутузовъ тутъ-же началъ докладывать о какомъ-то новомъ только что полученномъ извѣстїи относительно успѣха нашихъ передовыхъ войскъ; и Государь, съ видимымъ удовольствїемъ взявъ снова обѣ руки Кутузова, сказалъ: „всякій день новыя прїятныя извѣстїя“, а какъ это было произнесено довольно близко отъ стоявшаго въ ружьѣ караула, то я и могъ слышать эти слова очень явственно. Вслѣдъ за тѣмъ, Государь обратился къ караулу, довольно громко произнесъ: „поздравляю ребята съ новымъ успѣхомъ нашихъ войскъ“, и разумѣется въ отвѣтъ на эти слова раздалось обычное: ради стараться, ваше императорское величество*). Потомъ Государь вошелъ съ Кутузовымъ въ домъ, изъ котораго послѣдній вышелъ не прежде какъ часа черезъ два, тогда какъ уже передъ пробитїемъ вечерней зари игралъ хоръ музыки Преображенскаго полка.

Когда же кн. Кутузовъ по болѣзни вынужденъ былъ остаться въ Бунцау и тамъ скончался, то изъ опасенїя, чтобы вѣсть о смерти столь любимаго и уважаемаго въ арміи главнаго ея вождя не повліяла вредно на духъ войскъ, нашли нужнымъ нѣкоторое время скрывать это отъ солдатъ, тѣмъ болѣе, что приближались къ новой встрѣчѣ съ непрїателемъ, какъ это и не замедлило произойти подъ Люценомъ. Не служить-ли и эта предосторожность подтвержденїемъ тому, что Государь, а съ нимъ не только вся Русская армія, но и новыя наши въ то время союзники, Прусакъ, видѣли въ старомъ фельдмаршалѣ свѣтлѣйшемъ князѣ Кутузовѣ-Смоленскомъ, лицо самое достойное и необходимое для продолженїя войны, а не куклу какую, полезную только по своему Русскому имени.....

Стр. 108. „На другой день были у фельдмаршала обѣдъ и балъ, которые Государь удостоилъ своимъ присутствїемъ. Кутузову пожалованъ Георгій 1-й степени; Государь оказывалъ ему высочайшія почести; но неудовольствїе Государя противъ фельдмаршала было извѣстно каждому. Соблюдалось приличїе, и Государь показывалъ первый примѣръ этого; но все знали, что старикъ виноватъ и никуда не годится. Когда на балѣ Кутузовъ, по старой Екатериненской привычкѣ, при входѣ Государя въ бальную залу, велѣлъ къ ногамъ его повергнуться

*) Это извѣстїе, какъ узнали на другой день, относилось къ занятію Магдебурга.

взятая знамена, Государь неприятно поморщился и проговорилъ слова, въ которыхъ нѣкоторые слышали: „Старый комедіантъ“.

Мнѣ привелось быть на этомъ балу, и какъ былъ я въ числѣ младшихъ по чину, то передъ прибытіемъ Государя стоялъ, разумѣется, ближе другихъ къ растворенной двери изъ проходной въ балный залъ. А потому, припоминая себѣ то веселое лицо, съ которымъ Государь входилъ въ залъ, имѣя подлѣ себя шагомъ позади только что встрѣтившаго его кн. Кутузова, могу утвердительно сказать, что Государь не морщился тогда неприятно, и что никто не могъ слышать будто-бы произнесенныхъ Государемъ словъ „Старый комедіантъ“, потому что этого не было произнесено; какъ не было и того будто-бы у всѣхъ убѣжденія „что старикъ виноватъ и никуда не годится“.

Но такой конецъ приплетеннаго къ роману повѣствованія о 12-мъ годѣ можетъ казаться удовлетворительнымъ лишь читателямъ, смотрящимъ на сочиненіе съ литературной стороны; для тѣхъ же, которые, при чтеніи его, не могли не обратить серьезнаго вниманія и на историческую его часть, такой конецъ долженъ казаться видимо придуманнымъ для того, чтобы еще болѣе сбить съ толку мало или вовсе незнакомыхъ съ исторіею эпохи; а для болъшаго еще отуманенія, въ эпилогъ введенъ рядъ глубокомысленныхъ размышленій въ подрывъ исторической достовѣрности. Но исторія, говорятъ, есть вещь священная, и на всякое искаженіе ея должно смотрѣть какъ на святотатство.

Стр. 162. „Парижъ. Крайняя цѣль достигнута. Наполеоновское правительство и войска разрушены. Самъ Наполеонъ не имѣетъ больше смысла“.

Изъ этихъ трехъ строчекъ читателю невозможно вывести какое бы то ни было заключеніе относительно мира послѣдовавшаго въ 1814 г., тѣмъ болѣе, что при этомъ не пояснено даже, когда и кѣмъ Парижъ былъ занятъ, и при какихъ обстоятельствахъ эта крайняя цѣль была достигнута съ разрушеніемъ Наполеоновскаго правительства. Вслѣдствіе чего, читателю приходится самому дѣлать невѣрные выводы и заключенія, такъ что показаніе о достигнутой цѣли можно очень легко отнести и къ другому какому времени, а не къ тому, которое послѣдовало за пораженіями нанесенными Наполеону въ 1812-мъ и въ 1813-мъ году. А черезъ нѣсколько и еще лѣтъ, когда сочиненіе „Война и миръ“ попадаетъ въ руки какому либо наивному читателю, то онъ фразу: „Парижъ—крайняя цѣль достигнута“ сумѣетъ, пожалуй, отнести и къ 1871-му году, когда Парижъ палъ вторично уже передъ Германскими войсками.

Касаясь Императора Александра I-го, авторъ между прочимъ выражаетъ такъ:

Стр. 165. „Во время народной войны лице это бездѣйствуетъ, такъ какъ оно не нужно“.

Этотъ дерзкій и несправедливый отзывъ о лицѣ, которое было тогда душою своего народа и войска, боровшихся съ столь сильнымъ тогда врагомъ, можетъ только поражать удивленіемъ современниковъ его царствованія. Неужели по тому только, что Государь, въ теченіи лишь четырехъ мѣсяцевъ того года, не находился лично при войскахъ, можно рѣшиться сказать, что „лице это тогда бездѣйствовало, такъ какъ оно (будто бы) было не нужно“? Но развѣ и при отсутствіи изъ дѣйствующей арміи ему мало было заботъ, разнаго рода предположеній и распоряженій относительно пораженія и уничтоженія врага, вломившагося въ предѣлы его обширнаго царства? Развѣ не онъ руководилъ тогда всѣмъ, за исключеніемъ тѣхъ частныхъ движеній войскъ, которыя были въ зависимости отъ мѣстныхъ обстоятельствъ? Развѣ не его непоколебимой твердости, въ устраненіи предлагавшагося тогда мира, Россія и вся Европа обязаны своимъ спасеніемъ?

На предпоследней страницѣ второй части эпилога между прочимъ сказано:

Также долго и упорно идетъ борьба въ настоящее время между старымъ и новымъ возрѣніемъ на исторію, и точно также богословіе стоитъ на стражѣ за старый взглядъ и обвиняетъ новый въ разрушеніи Откровенія. Какъ въ томъ такъ и въ другомъ случаѣ съ обѣихъ сторонъ борьба вызываетъ страсти и заглушаетъ истину.

Не высказывается-ли въ этихъ немногихъ строкахъ невольное сознаніе въ томъ, что и сочиненіе это, касающееся великой эпохи, было тоже плодомъ борьбы страстей съ стремленіемъ заглушать истину?

Нельзя не пожалѣть, что талантливый авторъ, при своихъ возрѣніяхъ, высказываетъ себя излишне ярымъ скептикомъ относительно нашего двѣнадцатаго года. Если же съ цѣлью придать болѣе занимательности роману, или быть можетъ и съ научною цѣлью, понадобилось ввести въ него и исторію избранной имъ эпохи, то, касаясь ея въ разныхъ мѣстахъ романа, не лучше ли бы было говорить о ней согласно дѣйствительности, не вдаваясь въ преувеличеніе ни въ ту ни въ другую сторону? Тогда это могло принести даже немалую пользу инымъ читателямъ, вмѣсто того пагубнаго вреда, какое неизбѣжно приносятъ доктрины, внушающія неуваженіе и даже ненависть ко всему отече-

ственному. Тогда художественная кисть автора могла бы очень живо изобразить ту невѣроятную, но истинную, картину, какъ Наполеонъ великій, обманутый въ своихъ гордыхъ и надменныхъ предположеніяхъ, уходилъ изъ Россіи съ весьма уменьшившеюся своею великою арміею, въ томъ видѣ и въ томъ положеніи, въ какомъ она дѣйствительно тогда находилась; ту картину, какъ послѣ Березинскаго погрома онъ, бросивъ допогибать оставшую еще частичку войскъ, самъ же для спасенія своей собственной особы ускакалъ въ Парижъ. А положеніе продолжавшихъ еще бѣжать Французовъ дѣйствительно было самое ужасное.

Къ сожалѣнію художникъ нашелъ болѣе выгоднымъ писать картины иными красками, набрасывая при томъ болѣе темной тѣни на тѣ предметы, которые ему почему-то не желалось выказать въ настоящемъ свѣтѣ. Французскіе же художники-историки, напротивъ, всѣми способами старались стусевывать все то, что могло казаться неблагопріятнымъ для Франціи, при вторженіи ихъ громадной арміи съ императоромъ Наполеономъ во главѣ въ Россійскіе предѣлы; когда же доходили до описанія рѣшительнаго бѣгства ихъ изъ Россіи, то старались сколько возможно болѣе уменьшать громадность своихъ бѣдствій, усиливаясь даже увѣрять въ своихъ сочиненіяхъ, что это было будто бы весьма удачное отступленіе, а не отчаянное бѣгство.

Въ Англіи тоже пишется немало романовъ болѣею частью для чтенія семейныхъ, съ указаніемъ на лучшія стороны жизни и на все то, чѣмъ можетъ и должно гордиться ихъ отечество. Такими сочиненіями, хотя и не всегда отличающимися скромностью, поддерживается національная гордость. А у насъ, напротивъ, нѣкоторые писатели романовъ стараются щеголять своимъ особеннымъ пессимизмомъ ко всему отечественному.

Не мѣшало бы однако подумать, что затрогивать боевую жизнь людей проливавшихъ кровь свою при оборонѣ страны своей значить затрогивать самую чувствительную струну человѣческой щекотливости; вслѣдствіе чего, и очень понятно, что намъ ветеранамъ Отечественной войны, страдающимъ до сего времени отъ полученныхъ тогда ранъ и имѣющимъ полное право гордиться тѣмъ, что они принимали участіе въ достославной войнѣ, не возможно теперь не чувствовать себя глубоко оскорбленными подобнымъ глумленіемъ надъ нею.

Припомнимъ страшную бурю негодованія, поднявшуюся нѣсколько лѣтъ назадъ въ Бельгійской арміи вслѣдствіе какихъ-то не очень лестныхъ объ ней отзывовъ въ одной изъ Англійскихъ газетъ. И дѣйствительно, какъ же людямъ военнымъ или бывшимъ военными не дорожить доброю славою своей военной службой и какъ не заступаться за нее вообще всѣмъ, а тѣмъ болѣе труженикамъ славной эпохи, въ

особенности когда усматривается явное, умышленное и дерзкое посягательство на сокрушеніе ихъ историческаго сокровища, пріобрѣтеннаго столь дорогою цѣною, но славу котораго ищутъ теперь обратить въ пустой дымъ, не оставляющій послѣ себя ничего—кромѣ стыда.

Могутъ однакожъ замѣтить, что авторъ сочиненія „Война и Миръ“ не имѣлъ въ предметѣ писать исторію, а только коснулся ея въ художественномъ смыслѣ, при разсказахъ о нѣкоторыхъ эпизодахъ войнъ въ началѣ столѣтія, въ томъ числѣ и Отечественной. Но развѣ художественныя фантазіи могутъ позволять себѣ всякаго рода извращенія, затрагивая вмѣстѣ съ тѣмъ даже честь дѣятелей знаменитыхъ эпохъ въ жизни народовъ? Вѣдь большинству читателей сочиненій такого рода, не трудящемуся отдѣлять художественные вымыслы отъ истины, очень легко подвергнуться совершенному недоразумѣнію относительности историческихъ фактовъ, вводимыхъ въ область романа. Здѣсь же книгѣ придано еще заманчивое оглавленіе, и названа она не романомъ, а сочиненіемъ въ полномъ значеніи слова, въ которомъ, для большаго подчиненія читателей своему вліянію, авторъ всѣ страницы относящіяся къ Отечественной войнѣ постарался пропитать сарказмами, язвительною ироніею и даже клеветою. Чистый пасквиль, стремящійся превратить славную эпоху въ какую-то фабулу-сказку-легенду.

Нѣтъ! Какъ ни чревать XIX вѣкъ очень крупными событіями, но все же двѣнадцатый годъ выдвигается передъ прочими на первый планъ. Даже послѣдняя война 1870—1871 года, ставшая на столь видное мѣсто въ военной исторіи, не можетъ затмить нашу Отечественную войну, которая послужила тогда починомъ для гораздо болѣе громкихъ переворотовъ въ Европѣ. Война 12 года была событіемъ неизмѣримой важности, и вычеркнуть ея изъ исторіи или даже произвольно умалить ея значеніе никогда не будетъ подъ силу какого бы то ни было гениальнаго пера. По этому нельзя вновь не пожалѣть, что вмѣсто правдиваго разсказа о притянутой къ роману славной войнѣ, авторъ предпочелъ писать злую пародію. По прочтеніи же этого писаннаго калейдоскопа относительно войны 12-го года, въ памяти читателей можетъ остаться лишь одна путаница, при неизбѣжномъ недоразумѣніи, кто же наконецъ въ этомъ грозномъ столкновеніи двухъ враговъ дѣйствительно покрылъ себя славою или напротивъ позоромъ.

Когда подумаешь, что Русскіе люди, отдавая обычный послѣдній долгъ усопшимъ роднымъ, друзьямъ, даже просто знакомымъ, находятъ отрадное чувство почтить ихъ память добрымъ словомъ, то нельзя безъ особой боли въ сердцѣ видѣть, какъ въ этомъ сочиненіи память отошедшихъ въ вѣчность тружениковъ надѣляется теперь ѣдкою сатирою. Вотъ какъ нынѣ справляется тризна надъ бывшими защитниками оте-

чества! Хороши поминки надъ павшими тогда на поляхъ чести и славы! Не весело и намъ, инвалидамъ, бывшимъ участникамъ въ оборонѣ и тоже мнѣвшимъ тогда стяжать доброе слово отъ потомства, теперь же на закатѣ долготѣней жизни, видѣть себя, напротивъ, осмѣянными, поруганными и обезславленными въ сочиненіи съ новыми воззрѣніями на дѣло.

Изъ всей тогдашней боевой семьи, насъ ветерановъ 12-го года осталось уже очень немного, а черезъ пять-шесть лѣтъ едва-ли найдется еще кто въ силахъ взяться за перо и возвысить свой слабый голосъ въ защиту и въ опроверженіе порицаній и обвиненій того времени. А потому не горько ли помыслить, что правдивыя и безпристрастныя сказанія о той войнѣ читаются и будутъ читаться лишь не очень большимъ числомъ людей серьезныхъ, тогда какъ романъ, наполненный искаженіями и ироніею относительно той же войны, читается и будетъ долго еще читаться, сравнительно, гораздо бѣльшимъ числомъ людей?

Но къ чему поведетъ эта пропаганда въ отрицаніе? И что можетъ почерпнуть изъ этого сочиненія, напримѣръ, молодое Русское поколѣніе, которому предстоитъ обязательная воинская повинность? Представимъ себѣ юношу прибывшаго къ родителямъ на вакантное время изъ какого-либо учебнаго заведенія. Ему нужно прочесть что нибудь, и вотъ по указанію матери, прочитавшей это, по ея мнѣнію историческое произведеніе, онъ углубляется въ него со всею любознательностью юныхъ лѣтъ, тѣмъ болѣе, что естественно не могъ еще успѣть ознакомиться съ подробностями исторіи 12-го года, а потому и обратилъ болѣе вниманія на тѣ страницы книги, изъ которыхъ онъ думалъ почерпнуть самыя вѣрныя свѣдѣнія относительно эпохи. Но что же въ сущности онъ могъ почерпнуть? И какимъ духомъ могъ онъ проникнуться по прочтеніи сочиненія? Тѣмъ ли горячимъ патріотизмомъ, какимъ одушевлены были молодые люди во время нашествія врага, или, напротивъ тѣмъ духомъ, которымъ пропитано сочиненіе? Если же послѣднимъ, какъ и должно ожидать отъ впечатлительности молодыхъ натуръ: то чего можетъ ожидать отечество отъ молодыхъ вообще людей, которые, поддавшись внушенію подобныхъ доктринъ, будутъ стыдиться тѣхъ историческихъ событій въ своемъ отечествѣ, на которыя они обязаны бы были смотрѣть съ уваженіемъ?

А до какой степени, къ несчастію времени, доходитъ фанатизмъ этого ученія въ западной Европѣ, проникая и къ намъ, можно судить по многочисленнымъ тамъ сочиненіямъ, въ которыхъ проповѣдуется, отчужденіе отъ всякаго патріотизма и что слово отечество есть заблужденіе—простой звукъ. Да чего грѣха таить? Развѣ лѣтъ нѣсколько на-

заядъ и у насъ такъ называемые новые люди не учили почти тому же? Развѣ не высказывали, хотя и осторожно, сочувствіе къ теоріямъ мудрецовъ, общающихся народамъ неисчислимыя блага отъ социализма, коммунизма и интернаціонализма?

А теперь хотя и не дозволяютъ себѣ судить о тѣхъ страницахъ романа, въ которыхъ касалось до военныхъ дѣйствій, но за то, воодушеваясь враждебнымъ вообще взглядомъ автора на исторію Отечественнoй войны и вообще на людей 12-го года, эти господа отнесли къ сочиненію съ какимъ-то особеннымъ восторгомъ, угрожая вмѣстѣ съ тѣмъ клеймить отсталостью и невѣжествомъ тѣхъ кто рѣшится не признавать прекраснымъ тотъ идеалъ, которымъ по ихъ мнѣнію проникнуто сочиненіе.

Они указываютъ на сочиненіе какъ на произведеніе очень глубокомысленное, разумѣется въ видахъ наибольшаго распространенія тѣхъ теорій, которыя по отрицательному своему свойству пришли имъ, видно, такъ близко по душѣ и сердцу. И вотъ они пускаются проповѣдывать, что сочиненіе „Война и Миръ“ есть здравый плодъ нашего литературнаго движенія, что „Война и Миръ“ можетъ имѣть благотворное вліяніе на духовное развитіе нашего общества, что сочиненіе это скоро станетъ настольною книгою каждаго образованнаго Русскаго, классическимъ чтеніемъ нашихъ дѣтей и предметомъ поученія для юношей, даже сдѣлается руководящимъ элементомъ воспитанія нашего подростоющаго поколѣнія и всего общества.

И все это поется нашими новыми апостолами, видимо съ чужого голоса, съ голоса нѣкоторыхъ западныхъ мудрецовъ, между прочимъ и Виктора-Гюго съ братьею, дошедшаго до того, что онъ прославляетъ нравственную распущенность, и даже убійство. А вѣдь эта западная клика, подвизающаяся на избранномъ ею пути, не очень разборчива, какъ видно, на средства къ достиженію своихъ цѣлей и работаетъ очень усердно, то намъ, съ своей стороны, слѣдовало бы стараться противодействовать за́разѣ, а не помогать ей, разсѣвая у себя на воспримчивой почвѣ тлетворныя сѣмяна, которыя рано или поздно могутъ произвести плоды очень горькіе. Сочиненіе „Война и Миръ“, какъ по названію, такъ отчасти и по содержанию своему, подходитъ къ литературѣ военной, даже съ замашкою поучать военному искусству на свой ладъ, но при рѣшительномъ отсутствіи высоко-нравственнаго въ немъ патріотизма, чтеніе его можно положительно сказать—не пригодно къ развитію или къ усиленію той прирожденной большинству Русскихъ привязанности къ родинѣ, той могучей духовной силы, безъ которыхъ немислимо переносить терпѣливо необъятые, нерѣдко почти сверхъ человеческихъ силъ, труды въ великихъ войнахъ, ведущихся даже въ самое

суровое время года; да и та отвага, какая требуется при встрѣчѣ съ врагомъ, немислима при отсутствіи этой могучей духовной силы.

Къ счастью однакожь Россіи, не очень-то легко, какими бы то ни было инсинуаціями, даже подъ эгидою философской мудрости и благочестія, расшатать въ ея народѣ святое чувство долга и привязанности къ родинѣ. А въ этомъ-то святомъ чувствѣ и таится та несокрушимая духовная сила, которая съиздавна вела Россію къ постепенному развитію и расширенію и наконецъ привела къ настоящему ея могучеству. При каждой опасности, грозившей отечеству, эта духовная сила проявлялась все болѣе и болѣе. А въ 1812 году императоръ Александръ Павловичъ, благодаря твердости своего характера, собственнымъ примѣромъ возвысилъ и развилъ эту духовную силу въ своемъ народѣ до нельзя. Вполнѣ понимая всю несокрушимость ея, онъ съ самаго вторженія непріятеля оставался непоколебимымъ въ своемъ предположеніи уничтожить врага, не выпуская его изъ предѣловъ своей имперіи. Даже въ самую критическую минуту войны, когда сердце Россіи, Москва была занята гордымъ еще тогда врагомъ, предложенный имъ миръ былъ отвергнутъ съ негодованіемъ, что и было началомъ гибели Французовъ въ Россіи, а впоследствии и самаго Наполеона.

И что же? Мудрые цѣнители романа осмѣливаются указывать на какое-то отсутствіе въ то время твердой руки въ управленіи, на величайшіе будто бы беспорядки вездѣ, въ особенности въ арміи, на пустоту, развратъ, глупость высшаго круга; словомъ, съ своимъ почему-то ожесточеннымъ взглядомъ на великую эпоху, хотятъ, во чтобы то ни стало, заставить и другихъ смотрѣть на Русскихъ того времени, какъ на сущую дрянь. Но объ тѣхъ Русскихъ, столь нагло теперь поруганнаго 12-го года, императоръ Николай Павловичъ думалъ иначе. Онъ во время обороны Севастополя, въ письмѣ своемъ къ князю Меншикову отъ 30 Сентября 1854-го года, между прочимъ выразился такъ: „Доказать каждому, что мы теперь тѣже Русскіе, которые отстаивали Россію въ 1812-мъ году“. А ему тогда, тоже въ очень тяжелое и трудное для Россіи время, было весьма естественно вспомнить о томъ, какъ Русскіе 12-го года исполняли свой святой долгъ къ отечеству. Ставя же ихъ въ примѣръ оборонителямъ Севастополя, онъ отдавалъ прямую дань справедливости заслугамъ, Русскихъ того времени, которыя, какъ видно, онъ умѣлъ цѣнить въ полной мѣрѣ.

Но разудалые, храбрые сподвижники автора романа хотятъ увѣрить, что они понимаютъ и знаютъ дѣло гораздо лучше. Они дозволяютъ себѣ сомнѣваться даже въ мужество Русскихъ войскъ тогдашняго закала, какъ и самъ взыскательный авторъ не разъ намекалъ на это въ своемъ романѣ, набрасывая, кстати за одно, черную тѣнь и на эту

по истинѣ присущую Русскому солдату черту полной неустрашимости въ виду смерти. Сами непріятели наши не могли не удивляться той отвагѣ и той чудной стойкости Русскихъ, какія выказывались у нихъ въ каждомъ сраженіи, особенно же въ адекой Бородинской битвѣ, въ концѣ которой въ нѣкоторыхъ наиболѣе пострадавшихъ полкахъ оставалось лишь по горсти людей съ однимъ или двумя офицерами, но за всѣмъ тѣмъ, эти люди и не думали оставлять мѣсто сраженія. О сдачѣ же непріятелю безъ боя самыми малыми отрядами или частями войскъ нашихъ и въ поминѣ не было въ продолженіи всей кампаніи. И вотъ эти-то закаленные въ бояхъ Русскіе люди того времени теперь подвергаются смѣлымъ и злобнымъ нападкамъ отъ появившихся своихъ же Русскихъ новаго рода героев—на бумагѣ. А имъ-то, собственно говоря, и нельзя бы было, по всей строгой справедливости, вторя автору романа, имѣть притязаніе на право судить нагло, вкось и вкривъ о предметѣхъ вовсе для нихъ недоступномъ, то есть о чести тѣхъ, кто, не щадя жизни своей въ лучшей порѣ, умѣли безстрашно умирать за отечество тысячами, десятками тысячъ. И въ эту-то, столь обильно пролитую тогда кровь, наши новые герои находятъ теперь почему-то нужнымъ бросать своею чернильною грязью.

Они толкуютъ еще о язвахъ, которыми будто бы страдало отечество въ началѣ столѣтія, въ особенности во время нашествія и послѣ уничтоженія врага; но уже однѣ бывшіе побѣды, одно торжество надъ непріятелемъ, не указываютъ-ли наглядно на отсутствіе тѣхъ мнимыхъ язвъ или на ихъ напрасное преувеличеніе. Не таится ли, напротивъ, теперь зародышъ дѣйствительныхъ язвъ грозящихъ странѣ, въ иныхъ неприглядныхъ теоріяхъ, воззрѣніяхъ и доктринахъ? И это тѣмъ опаснѣе, что еще прежде за немного лѣтъ назадъ, такъ называемые новые люди приняли на себя недостойный трудъ внушать ненависть къ старшимъ, презрѣніе ко всему родному и тому подобное, съ обязанностью увлекать въ тоже ученіе и другимъ. При систематической же пропагандѣ зараза эта, распространяясь между молодыми людьми, можетъ очень легко погубить многихъ изъ нихъ, какъ этому было уже не мало примѣровъ.

Съ другой стороны странно бы было безусловно утверждать, что Россія находилась тогда въ совершенно безупречномъ положеніи относительно внутренней администраціи, какъ этого нельзя утверждать и на счетъ какого другаго государства, тѣмъ болѣе, что абсолютнаго совершенства не существуетъ ни въ чемъ. Слѣдовательно, почему людямъ со свѣтлымъ взглядомъ и изучившимъ отечественную исторію того времени и не указать на какіе нибудь тогда непорядки, упущенія, даже злоупотребленія? Это могло бы принести даже пользу странѣ въ

ея будущемъ. Но за чѣмъ и для какой цѣли все утрировать, все преувеличивать? Для чего нужно пускать въ ходъ страсти? Къ чему выставлять на видъ лишь одно дурное, и въ тоже время ревниво скрывать достойное не только одобренія, но даже удивленія? За чѣмъ, надрывая силы, все безпощадно порицать, съ предвзятымъ намѣреніемъ, обезславить то, что было далеко не безславно? Вѣдь къ какимъ бы художественно-искуснымъ ухищреніямъ ни старались прибѣгать для униженія и опошленія эпохи, но всё же трудно предполагать, чтобы даже самые наивные и довѣрчивые читатели не могли сообразить, что безпримѣрнаго уничтоженія полумиліонной арміи враговъ съ военнымъ гениемъ во главѣ нельзя бы было совершить столь блистательно, такой странѣ, которая будто бы страдала тогда глубокими язвами, при отсутствіи твердой руки, при сомнительномъ мужествѣ войскъ, при бездарности полководцевъ, при пустотѣ общества, при глупости стариковъ, вельможъ и многихъ другихъ не порядкахъ! Кому тутъ не бросится въ глаза чистая аномалія?

Но если бы Россія и въ самомъ дѣлѣ была тогда удручена всѣми тѣми страшными язвами, какія приписываются ей авторомъ романа и его сподвижниками, то неужели сыны ея того времени не достаточно еще искупили это зло своимъ горячимъ патриотизмомъ и усиліями къ спасенію отечества отъ гибели; даже если бы этотъ фактъ можно бы было отнести и къ слѣпымъ случайностямъ? Неужели тѣ Русскіе, Русскіе, которые, по мрачному мнѣнію господъ пессимистовъ, были столь негодны тогда, не заслуживаютъ теперь хотя бы какой-нибудь пощады, при одномъ воспоминаніи о грозившей тогда опасности жестоко испытуемой странѣ, не поддавшейся однакожь поработенію?

Ужъ не въ самомъ ли безпримѣрно-успѣшномъ закончаніи Отечественной войны господа обличители хотятъ видѣть глубокую для Россіи язву? А по безусловному восхваленію иныхъ скептическому и по взгляду автора романа на эпоху, доходящему до цинизма, какъ будто такъ.

Какъ бы то ни было, а людямъ дорожащимъ славою и честью отечества и смотрящимъ на затронутый предметъ съ совершенно другой точки зрѣнія, не возможно читать все это злобное словоизверженіе безъ того, чтобы не накипѣло на душу возмутительнымъ негодованіемъ и не отозвалось болѣзненною грустью; тѣмъ болѣе, что эти строгіе судьи, выдающіе себя за людей передовыхъ, хотятъ во чтобы то ни стало увѣрить, что тогда въ Россіи не было людей столь просвѣщенныхъ и умовъ столь свѣтлыхъ, какіе успѣли въ ней проявиться къ настоящему времени и къ которымъ они разумѣется причисляютъ и самихъ себя. Но, если бы и дѣйствительно было такъ, то и въ этомъ нельзя винить людей того времени, по той простой причинѣ, что то

время было одно, теперь другое. Тогда способовъ къ образованію было очень мало, теперь же ихъ существуетъ гораздо болѣе. Да и гени-то рождаются вѣками.

Правда, что старые люди того времени, кромѣ присвоенной имъ авторомъ романа глупости, были сверхъ того еще и беззубы, плѣшивы, съ морщинами на лицѣ и тому подобными столь непростительными и неприглядными пороками. Но вѣдь и теперь, говоря по всей справедливости, найдется немало на святой Руси старцевъ съ таковыми же изъянцами. Да вѣроятно и впредь изъ доживающихъ свой вѣкъ въ столь же неотрадномъ и достойномъ осмѣяніи положеніи будетъ всегда оказываться порядочное число изъ 85 миллионнаго народа. Не умирать же всѣмъ преждевременно для того, чтобы не доживать до сѣдыхъ волосъ, плѣшинъ и морщинъ, лишь изъ одного опасенія быть за то осмѣянными въ какомъ либо новомъ юмористическомъ романѣ. Ужъ не мнится ли автору, доживъ самому до преклонныхъ лѣтъ, оставаться молодцомъ вопреки законамъ природы?

Съ 1871-го года стала ходить поговорка, что послѣднія Прусскія побѣды одержалъ школьный учитель. Быть можетъ, отчасти и такъ. Но въ такомъ случаѣ этотъ Прусскій школьный учитель, по всему вѣроятію, не внушалъ своимъ ученикамъ презрѣнія ко всему родному, не глумился надъ прошлымъ своего отечества и не проповѣдывалъ смотрѣть на побѣды свои 1813-го и 1814 годовъ, хотя и въ союзѣ съ Русскими, какъ на постыдныя пораженія. Тотъ же школьный учитель, справляя годовщины, т. е. напоминая ежегодно съ восторгомъ о тѣхъ дняхъ, въ которые одержана была въ 1813-мъ году великая побѣда надъ Французами подъ Лейпцигомъ, для наибольшаго, какъ видно, возвышенія духа и гордости Нѣмцевъ, старательно избѣгаетъ при этомъ говорить объ участіи и блистательномъ содѣйствіи Русскихъ войскъ въ этомъ дѣлѣ, хотя на ихъ-то долю пришлось тутъ и болѣе усилій и болѣе жертвъ. Да и сама-то Лейпцигская битва безъ Русскихъ и безъ 12-го года была бы невысказима. Но мы по прирожденной намъ скромности молчимъ.

Наши же нешкольные новаго рода учителя-философы въ заманчивыхъ своихъ сочиненіяхъ съ отвлеченными теоріями предпочитаютъ, какъ видно, распространять совершенно противоположныя Прусскому школьному учителю убѣжденія.

Если же, по ихъ новымъ воззрѣніямъ, на событія въ жизни народовъ должно смотрѣть какъ на сказки или басни; если по ученію отрицанія можно все историческое погружать прямо въ Лету, то для какой тогда potreбы писать исторію временъ, по возможности правдиво и безпристрастно? Для чего заводить историческіе музеи? За чѣмъ и

для чего послѣ этого молодымъ людямъ терять время и трудъ, напрасно обременяя голову изученіемъ предмета, столь мало пригоднаго для основательнаго образованія? Вѣдь прямаго познанія въ развитіи внутренней жизни народовъ, въ особенности своего отечества, видно, теперь уже не нужно. Во всякомъ однакожъ случаѣ, не мѣшало бы, касаясь въ романахъ историческихъ событій, въ особенности родной страны, нѣсколько сдерживать порывы художественныхъ фантазій. Къ чему и для чего въ самомъ дѣлѣ играть излишнею довѣрчивостью иныхъ читателей? Какая польза вводить многихъ въ самыя грубыя заблужденія относительно какого періода времени? И за что ядомъ искаженныхъ разсказовъ разстраивать раны тѣхъ изъ оставшихся еще въ живыхъ, кто получили ихъ въ войнахъ, которыя такъ не нравятся нынѣ и такъ не по душѣ инымъ писателямъ.

Меня, какъ человѣка очень уже стараго, быть можетъ, упрекнуть въ неумѣренномъ сѣтованіи на написавшаго такъ много нелестнаго о нашемъ времени. Но, вѣдь не я одинъ былъ крайне возмущенъ чтеніемъ этого пасквиля; нашлось немало и другихъ, дорожащихъ доброю славою отечества, на которыхъ сочиненіе „Война и Миръ“ произвело тоже самое грустное впечатлѣніе. Дозволю себѣ указать на нѣкоторые объ этой книгѣ отзывы лицъ имѣющихъ неоспоримыя права на авторитетъ. Лица эти, какъ свидѣтели грозившей тогда опасности и послѣдовавшаго за тѣмъ торжества, всегда будутъ болѣе компетентными судьями въ этомъ дѣлѣ, а потому и оцѣнку этого сочиненія или романа могли дѣлать гораздо основательнѣе, чѣмъ сторонники новыхъ умозрѣній и теорій автора. Такъ А. С. Норовъ, поплатившійся въ Бородинскомъ сраженіи потерей ноги, въ небольшой своей брошюрѣ о сочиненіи „Война и Миръ“ между прочимъ выразился:

Стр. 2-я. „Я не могъ безъ оскорбленнаго патріотическаго чувства дочитать этотъ романъ, имѣющій претензію быть историческимъ и, не смотря на преклонность лѣтъ моихъ, счелъ какъ бы своимъ долгомъ написать нѣсколько строкъ въ память моихъ бывшихъ начальниковъ и боевыхъ сослуживцевъ“.

„Если бы кто нибудь сказалъ, что наши писатели или наши современники болѣе или менѣе пристрастны, я укажу, на примѣръ относительно эпохи 1812 года только на одну книгу нашихъ противниковъ: Chambray Histoire de l'expédition de Russie, гдѣ слава Русскаго оружія гораздо болѣе почтена“.

Стр. 22-я. „Мы не ставили бы на видъ автору романа главные военные эпизоды нашей славной войны 1812-го года, если бы онъ не выходилъ изъ рамки романа, не вставлялъ въ нее военные эпизоды, облакая ихъ стратегическими разсужденіями, рисуя боевыя диспозиціи,

и даже планы баталіи, давая всему этому характеръ историческій, и тѣмъ вводя невольно въ заблужденіе, конечно не военныхъ, но общество гражданское, гораздо болѣе многочисленное и которому, не менѣ какъ и военнымъ, дорога слава нашей арміи. Но какое сословіе пощажено въ романѣ? Мы видѣли, какъ онъ обрисовывалъ нашихъ полководцевъ и нашу армію; посмотрите теперь, что такое у него наши дворяне, купечество и наши крестьяне. Эти сословія въ романѣ суть не иное что какъ панургово стадо“ и т. д.

Князь П. А. Вяземскій тоже, въ статьѣ своей помѣщенной въ первой книгѣ „Русскаго Архива“ за 1869 годъ, между прочимъ говорить:

„Книга „Война и Миръ“, за исключеніемъ романической части не подлежащей нынѣ моему разбору, есть по крайнему разумѣнію моему протестъ противъ 1812-го года; есть апеллія на мнѣніе установившееся о немъ въ народной памяти и по изустнымъ преданіямъ, и на авторитетъ Русскихъ историковъ этой эпохи. Школа отрицанія и уничтоженія исторіи, подъ видомъ новой оцѣнки ея, разувѣреніе въ народныхъ вѣрованіяхъ, все это не ново, это уже не скептицизмъ, а чисто-нравственно-литературный матеріализмъ“.

И нѣсколько далѣе:

„Съ исторіею надлежитъ обращаться добросовѣстно, почтительно и съ любовью. Не святотатственно-ли и не противно-ли всѣмъ условіямъ литературнаго благоприличія и вкуса низводить историческую картину до карикатуры, до пошлости? Презрѣніе есть часто лживый признакъ силы. Оно иногда просто доказываетъ одно непониманіе того, что выше и чище насъ“.

А къ какимъ отзывамъ такихъ лицъ и другихъ высказавшихся въ томъ же смыслѣ о романѣ „Война и Миръ“ можно, кажется, довольно смѣло присовокупить и свои собственные тождественныя сужденія по этому предмету; и это тѣмъ съ большею увѣренностью, что эти лица, излагая столь энергично свое негодованіе, стоятъ, кажется, на почвѣ правды, на той почвѣ, которая такъ обильно пропиталась кровью сотенъ тысячъ Русскихъ людей.

Но не одни только современники эпохи отнеслись съ тѣмъ же неодобреніемъ къ романическому сказанію о 12-мъ годѣ. Были и не современники. Укажу только на статью г-на Никитенко „Мысли о реализмѣ въ литературѣ“ (Журналъ Мин. Нар. Просв. за 1872 годъ книга 1-я). Въ ней, коснувшись романа „Война и Миръ“, онъ между прочимъ сказалъ: „Трудно найти въ исторіи эпоху, которая въ своемъ трагическомъ величій представляла бы такіе богатые матеріалы историку, мыслителю для серьезнаго изученія и поэту для творческихъ замысловъ“.

Потомъ въ другомъ мѣстѣ статьи:

„Такимъ образомъ однѣ изъ замѣчательнѣйшихъ страницъ нашей исторіи, на которыхъ записаны кровью многія имена лицъ, честно послужившихъ отечеству, эти страницы исчезли въ той грязной дѣйствительности, какую угодно было автору создать въ своей фантазіи, на мѣсто кровавой, бурной, достославной дѣйствительности XII года“ и пр.

Были и такіе рецензенты, которые хотя на первыхъ порахъ отзывались о романѣ тоже съ восторгомъ, но потомъ, разобравъ, видно, суть дѣла и сознавъ ошибку въ оцѣнкѣ, не побоялись упрекнуть автора даже въ нигилизмѣ.

Нѣтъ, не за нашими новаторами послѣднее слово. Другія достойныя уваженія лица—положительно осудили и новыя воззрѣнія относительно 12-го года, и новыя доктрины романа.

Императоръ Александръ Павловичъ, ставшій по закончаніи 12-го года въ главѣ Европейскаго союза противъ общаго врага, тоже не могъ не признать въ своихъ Русскихъ труженикахъ той громадной заслуги, какая была ими оказана не только своему отечеству, но и всей Европѣ. Многочисленныя награды и отличія потрудившимся въ святомъ дѣлѣ могутъ служить прямымъ доказательствомъ его дѣйствительной къ нимъ признательности. О раненыхъ же и объ изувѣченныхъ въ бояхъ тѣхъ годовъ онъ прилагалъ особое, по истиннѣ отеческое попеченіе, на сколько могли это позволять обстоятельства того времени и отсутствіе тѣхъ средствъ и удобствъ, какими могутъ нынѣ имѣть надежду пользоваться раненые въ случаѣ войны.

Нельзя при этомъ не возобновить въ своей памяти многомилостивой заботливости о раненыхъ, выказанной Государемъ на самомъ полѣ сраженія подъ Кульмомъ. Когда же раненые въ этой побѣдѣ офицеры его гвардіи были отправлены для излеченія въ Прагу, то, не смотря на заботы и важныя распоряженія по всѣмъ арміямъ, которыя должны были тогда въ Теплицѣ, и поглощать все его время, онъ однако вновь вспомнилъ о нихъ, приславъ для обезпеченія ихъ жизни въ чужомъ городѣ по сту червонцевъ каждому, сверхъ тѣхъ наградъ, какія уже были ими получены за это сраженіе. Тогда и король Прусскій наградила нѣкоторыхъ изъ нихъ своимъ военнымъ орденомъ „Pour le mérite“*), всѣхъ же знакомъ Желѣзнаго Креста, ставшаго у насъ называться Кульмскимъ.

А какъ драгоцѣнно во время получаемое ранеными пособие, при страданіяхъ безъ средствъ на чужбинѣ, и какъ вмѣстѣ съ тѣмъ, столь

*) Въ томъ числѣ и меня.

милостивое вниманіе Государя живительно способствовало къ болѣе успѣшному излеченію. Это въ числѣ протчихъ и я испыталъ на себѣ, благословляя имя Благословеннаго.

Потомъ, ровно черезъ годъ и послѣ лишь нѣсколькихъ дней возвращенія Государя въ Петербургъ изъ взятаго имъ съ боя Парижа, и именно 18 Августа 1814 г., состоялся высочайшій приказъ, которымъ изъявлялось войску отъ имени государства благодарность за мужество, терпѣніе и любовь къ вѣрѣ и отечеству, даровавшія славный миръ. Въ ознаменованіе же геройскихъ подвиговъ, которые всегда обращали на себя вниманіе Государя, учреждался комитетъ, на который возлагалась обязанность пецись объ изувѣченныхъ и раненыхъ. Въ этомъ столь благодѣтельномъ попеченіи о пострадавшихъ въ продолжительной войнѣ успѣшили принять участіе тоже не менѣ признательные соотечественники, что и выказалось обильными приношеніями, которыя, вмѣстѣ съ другими источниками, постепенно увеличивали инвалидный капиталъ до такой степени, что, не смотря на ежегодные расходы изъ него въ пользу раненыхъ, онъ выросъ нынѣ, какъ извѣстно, выше 18 милліоновъ рублей с. Если же самъ побѣдитель въ этой гигантской войнѣ никѣмъ дотолѣ непобѣждаемаго Наполеона I-го изъявилъ съ такимъ горячимъ чувствомъ свою благодарность войску, даровавшему миръ Европѣ, то не служить ли и это достаточнымъ опроверженіемъ измышленій графа Л. Н. Толстаго?

Нужно прибавить, что 1812-й годъ тѣмъ болѣе былъ тяжелъ для Россіи, что только передъ самымъ вторженіемъ Наполеона закончилась продолжительная война съ Турціею, послужившая къ немалому уменьшенію средствъ для обороны Россіи; и что тогда велась еще и другая упорная война съ Персіею, которая однакожь тоже кончилась побѣдоносно.

Нѣтъ, не суждено погибнуть громкой славѣ 1812 года. Онъ, какъ въ исторіи, такъ и въ устныхъ преданіяхъ, на долгое еще время будетъ предметомъ удивленія къ Русскому народу. Установленные же императоромъ Александромъ медали въ память 1812 года, а въ царствованіе императора Николая воздвигнутые памятники на тѣхъ поляхъ, на которыхъ происходили наиболѣе значительныя битвы, потомъ ежегодныя въ день Рождества Спасителя во всѣхъ храмахъ необытнаго государства благодарственныя молебствія съ возглашеніемъ вѣчной памяти императору Александру I-му и, наконецъ, сооружаемый въ Москвѣ, тоже въ память славнаго года, громаднхъ размѣровъ храмъ во

имя Христа Спасителя, будутъ, въ укоръ злобѣ и клеветѣ, навсегда свидѣтельствовать о непримѣрной оборонѣ дорогаго отечества и о небываломъ уничтоженіи врага. Торжество же это доставило Россіи ту твердую самостоятельность, при которой только и могли совершиться въ послѣдствіи тѣ великія преобразованія, коимъ мы нынѣ свидѣтели. И дѣйствительно, могло ли бы все это теперь осуществиться для блага государства, если бы оно въ 1812-го году было поработчено, вслѣдствіе слабости духа и малаго патріотизма Русскихъ людей того времени?

Да, если бы война 12-го года не была ведена какъ слѣдовало и не была бы закончена такъ блистательно, если бы вслѣдъ за славнымъ годомъ не были одержаны новыя побѣды въ 1813 году (хотя уже въ союзѣ съ другими) и если бы наконецъ въ 1814 году Парижъ не былъ занятъ и Наполеонъ окончательно побѣжденъ и низвергнутъ: то и для Пруссіи не могло бы быть въ послѣдствіи тѣхъ славныхъ войнъ 1866 и 1870 годовъ, которыми она нынѣ справедливо гордится, какъ и мы своею Отечественною. Пошатнись тогда Россія подъ бременемъ бѣдствій, которыя вынесены ею на однѣхъ своихъ могучихъ раменахъ, не устоять бы и Пруссіи при тогдашнемъ ея шаткомъ положеніи.

Одинъ изъ ветерановъ 1812 года).*

1876 г.

*) Это Парменъ Семеновичъ Деменковъ, скончавшійся въ маститой старости, 3 Марта 1881 года. Мы надѣемся сообщить читателямъ біографическія свѣдѣнія объ этомъ достопамятномъ человѣкѣ. Ц. Б.